

Наталья Андреева

детектив & загадка

Айсберг
под сердцем

Наталья Вячеславовна Андреева

Айсберг под сердцем

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6662067

Наталья Андреева. Айсберг под сердцем: Эксмо; Москва; 2014

ISBN 978-5-699-70483-5

Аннотация

Победителей не судят! Не только в переносном смысле, но и буквально: не отдают под суд. Именно так думает один из спортсменов, заветная мечта которого попасть в олимпийскую команду. Подготовка к зимней Олимпиаде идет полным ходом, и женская сборная по керлингу имеет реальные шансы на медаль. Однако на сборах случается ЧП: капитан команды, красавица Алина Лукашова, получает серьезную травму и оказывается в реанимации. В несчастный случай никто не верит – на этой тренировке Алина разругалась с девушками из своей команды, и ко всему прочему у нее напряженные отношения со старшим тренером Калерией Климовой! Следователь Алексей Леонидов получает задание поехать на спортивную базу под видом помощника тренера и во всем разобраться, а также предотвратить еще одно убийство. Неожиданно Алексей влюбляется в Климову, у них начинается бурный роман, и роковые последствия не заставляют себя ждать...

Содержание

Энд первый[1]	5
Энд второй	45
Энд третий	78
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Наталья Андреева

Айсберг под сердцем

Автор считает своим долгом сообщить, что все описанные в романе события, равно как и имена героев, – чистый вымысел. Любые совпадения случайны.

Керлинг, поклонником которого является и автор, – игра традиций и мастерства.

Игроки в керлинг соревнуются для того, чтобы победить, а не для того, чтобы унижить своих соперников. Дух керлинга требует честной игры, добрых чувств и благородного поведения. Поэтому сюжет романа, от начала до конца придуманный автором, к реальности отношения не имеет. Автор надеется, что эта книга, написанная в жанре детектива, не только развлечет читателя, но и поможет ему разобраться в правилах интереснейшей игры, включенной в программу Зимних Олимпийских игр, и открыть для себя новое захватывающее зрелище.

Энд первый¹

Чемпионат России по керлингу, как всегда, проходил при полупустых трибунах. Да никто и не надеялся, что в кассах Ледового дворца будет аншлаги. Даже на хоккей и на раскрученное по федеральным телеканалам фигурное катание люди не очень-то идут, если только на суперзвезд. Лучше телевизор посмотреть: и не накладно, и ничего не пропустишь. Да и запоминать ничего не надо, в правилах разбираться, ведь это уже в крови: шайбу, шайбу! Или: прыгнул тройной – не упал, значит, медаль! Просто смотри и наслаждайся. А керлинг, если не знаешь правил, смотреть неинтересно. Ну какой же это спорт? Спорт – это зрелище, азарт борьбы, мощный выброс адреналина. А тут все непонятно и скучно.

К тому же керлинг – новый для россиян вид спорта, как говорили раньше, буржуазный. Что-то сродни боулингу и гольфу. Советские люди на такси в булочную не ездили и земельные участки размером с гектар использовали по прямому их назначению: под картофельные грядки. Поэтому на гольфе был поставлен крест, а вот за что именно досталось керлингу – до сих пор непонятно. Не прижился, и все. Смотреть, как четыре зачастую немолодых уже мужика катают по льду огромные камни с ручками, дико метут перед ними

¹ Энд – один период в керлинге, в каждом энде команды бросают по восемь камней. Игра состоит из 10 периодов – эндов.

щетками и при этом орут как ненормальные мало кому интересно. А телевидению нужны рейтинги. Вот и этот чемпионат популярные комментаторы своим вниманием обошли. И зрители тоже. А зря. Финал оказался для всех неожиданным и чрезвычайно драматичным.

В финале обе команды шли ноздря в ноздю. Ведь на кону была путевка на Олимпийские игры, и окончательный состав пятерки, которая туда поедет, был не определен. Последнее время вошел в моду выбор по спортивному принципу. Как в Америке, которая везде побеждает летом. Или в Норвегии, которая дерет всех зимой. Кто выиграл домашний чемпионат, тот и едет на Олимпиаду.

Именно поэтому сегодня играли всерьез. К предпоследнему энду страсти накалились. Понимающие люди в напряжении замерли на трибунах: что-то будет? Тренер одной из команд, той, что считалась фаворитом турнира, Калерия Климова, взяла минутный тайм-аут, последний по регламенту в этом жарком ледовом поединке.

Калерия Константиновна говорила, как всегда, четко, резко, тоном, не терпящим возражений, каждым своим словом словно забивая гвоздь:

– Без вариантов: делаем blank-end², счет по нулям, и в решающем энде мы получаем хаммер³. Игра наша! Девочки –

² Пустой период (энд), когда ни одна из команд не заработала очков.

³ Хаммер – последний бросок в энде, дающий команде преимущество.

вперед! Гуля – на позиции вице-скипа⁴, Алина, твой бросок решающий! Выполняешь мощнейший тэйк-аут⁵, так, как ты можешь. Москва, вперед! За победой!

Красавица Алина с досадой посмотрела на трибуны, где сидели болельщики: вы все понимаете! Зачем было брать тайм-аут? Нет, Климова надавила, заставила подойти, недвусмысленно дала понять: в игре нужна пауза. А задачка-то элементарная: выбить последним броском из дома единственный камень противника, так, чтобы вылетел и свой. Итог – нулевой раунд, зато команда, выполнившая такой удар, получает право в следующем, решающем, раунде бросать камень последней. А это для игроков такого класса, по сути, победа. Как удачно все складывается!

Все, что происходило сегодня на поляне⁶, Алина понимала и без подсказок тренера. Именно она, Лукашова, выстроила тактику этого матча и почти уже привела свою команду к победе, осталось сделать последний, решающий бросок. Вот уже не один год команда Лукашовой (по фамилии капитана) выигрывает у всех и является костяком национальной сборной. Алине единственной из кёрлеров удалось стать настоящей звездой. У нее берут интервью федеральные каналы, ей устроили фотосессию для гламурного журнала с сумасшед-

⁴ Вице-скип – игрок, выезжающий третьим, помощник капитана, щеткой ему показывает, куда выезжать, когда настанет время его броска.

⁵ Тейк-аут – бросок на выбивание камня.

⁶ Поляна – площадь для игры в керлинг длиной 45,7 метра.

шим тиражом, она в спортивном календаре на этот год, причем на обложке. А то! Красавица ведь! Именно благодаря Алине Лукашовой керлинг уже почти стал зрелищем. А если не стал, то вскоре обязательно станет! И деньги спонсоров потекут рекой!

Но Калерии обязательно надо вставить свои пять копеек!

Алина с недовольным лицом пошла выполнять бросок. Решающий. Его всегда делает капитан команды, иначе скип. Гуля Зарипова встала за бэк-линией игровой зоны, там, где весь энд простояла Алина на позиции скипа. Концом своей щетки Зарипова указала капитану, куда бросать: в аут, то есть толкнуть камень как можно сильнее.

Все было согласно правилам, но Алина пришла в бешенство: и эта туда же! Соплячка! Мало того что девятнадцатилетнюю девчонку взяли в элитную команду, так эта Гулька еще и везде лезет! Однажды, когда Алина приболела, именно Зарипова играла на позиции скипа, и, как говорят, играла блестяще. Алина этот матч намеренно не смотрела. Последнее время ее бесило все: и диктатура тренера, и подруги, которые приняли в команду Зарипову, будто так и должно быть, а в особенности сама эта выскочка. Девчонки-предательницы опекали ее и помогли адаптироваться на уровне, к которому девушка, до сих пор игравшая за юниоров, еще не привыкла. Это вместо того, чтобы поставить Зарипову на место и выкинуть туда, откуда она явилась, в провинциальную команду, еле-еле заползшую на последнем чемпионате

России в финальную восьмерку!

Алина поставила правую ногу на колодку и крепко взялась за красную ручку камня. Потом картинно отвела левую ногу назад, почти распластавшись в шпагате, отбросила со лба белокурые локоны, прежде чем опереться на щетку, приподнялась и плавно двинулась вместе с камнем вперед, заскользила по льду ласточкой, толкая тяжелый снаряд. Алина прекрасно знала, насколько эротично она выглядит в этой позе. Настоящая секс-бомба! В подтверждение этого трибуны засверкали вспышками. Алина слегка прищурилась и открыла рот, чтобы картинка была полной. Завтра эти фото появятся в инете, и обязательно во всех спортивных новостных выпусках, на трибунах наверняка сидит парочка журналистов. Уж очень хороша Лукашова!

Алина разжала руку... Снаряд заскользил по льду... Игроки обеих команд и, разумеется, тренеры сразу поняли, что камень движется слишком медленно. В одних это вселило надежду, другие пришли в отчаяние.

– Мамочки... – шепнула неуклюжая на вид очкастая девочка из команды соперников, видимо, впечатлительная.

– Свип! – отчаянно закричала Зарипова. – Дора, Юлька, свип!!! Давайте, девчонки!!! Свипуйте! Сильнее! Еще сильнее! Аа-а-а! Свип!!!

Два других игрока команды, пытаясь спасти ситуацию, энергично принялись мести щетками перед плавно скользящим камнем, так, что казалось, лед вспотел. Калерия Кон-

стантинова в отчаянии закрыла глаза. Победа уже была в кармане. То, что случилось, не поддавалось никакой логике. Как же так?!

Когда она глаза открыла, увидела то, что и ожидала увидеть: их камень выбил из дома стоящий там снаряд противника, на это силы удара хватило, но сам за ним не вылетел, а зацепился краем за синюю линию. Это означало, что команда Лукашовой выигрывает энд, зарабатывая одно очко. Хуже и быть не может. Потому что хаммер, то есть решающий бросок, переходит к сопернику. Ситуация поменялась в мгновение ока. Теперь уже у соперников победа была почти в кармане. Свиридова – опытный скип, она на площадке самая возрастная спортсменка, а в керлинге, как правило, мастерство приходит после тридцати.

Но что случилось с Алиной?! Девчонки расстроились, а Лукашова была невозмутима. Мало того, она улыбалась!

Как и предполагала Калерия, в уже решающем судьбу матча последнем энде команда Лукашовой ничего не смогла сделать. Итог – второе место. Не трагедия, хотя для кого-то ситуацию можно истолковать именно так. Потому что все запуталось окончательно. Выиграй сегодня команда-фаворит, она в полном составе поехала бы на Олимпиаду. Сейчас возникает вопрос: а как же спортивный принцип?

Насколько же Лукашова уверена в своих силах, если пошла на это! Ведь она прекрасно знает: даже когда ошибся спортсмен, по шапке надают тренеру! Именно он виноват:

не создал комфортный микроклимат в команде, не нашел общий язык со скипом. А скип – ключевой игрок на поле. Именно от его удачливости и мастерства зависит результат матча. Лукашова – везунчик, капитан, обладающий прекрасной интуицией. Для нее выполнить простейший тейкаут, иначе выбивающий удар, пара пустяков! С ее-то опытом!

– Алина, ты зачем это сделала? – тихо спросила Калерия Константиновна у Лукашовой, когда команда вошла в раздевалку.

– Ошиблась, с кем не бывает? – пожала та плечами.

– С таким броском справился бы и новичок.

– Ну а я не справилась! – огрызнулась Лукашова. – Хотите – выгоняйте меня из сборной!

– Ты прекрасно знаешь, что тебя никто не выгонит. Но девочек ты подставила.

– Сначала они меня подставили!

– Интересно, каким образом?

– Вы зачем Зарипову на скипа натаскиваете? А они вам помогают!

– Мы просто тебя страхуем. Твоя позиция незыблема. Но ты в последнее время так занята: учеба в аспирантуре, интервью, фотосессии, – с иронией сказала Климова.

– Вы просто мне все завидуете!

– И ты отомстила, да?

– Я играю в керлинг, – надменно заявила Лукашева. – Эта

игра подразумевает наличие интеллекта. Я поставила перед домом гард. Защитилась. Теперь попробуйте его обойти. Я в команде останусь в любом случае. За оставшиеся места лучше деритесь. Это раньше вы все решали единолично, Калерия Константиновна. Отныне ваш голос не будет решающим. Потому что вы уже не будете главным тренером сборной. Команду подберут под меня. С мужчиной, а главным тренером будет мужик, причем иностранец, я как-нибудь договорюсь. Потом я завоюю медаль на Олимпиаде, неважно какую, потому что я все равно навсегда войду в историю спорта. Первый успех в керлинге на зимних Олимпийских играх России принесла команда Лукашевой! Вот что будет написано во всех энциклопедиях! А дальше... Меня ждет блестящая карьера, не сомневайтесь. Может быть, в телеведущие подамся, а может, и в депутаты. Керлинг – бурно развивающийся вид спорта. В его популяризации все заинтересованы: и государство, и крупные бизнесмены. Меня будут двигать вперед. Ведь я не только выдающаяся спортсменка, но еще и красавица! Да я уже звезда!

– Ты все рассчитала, да?

– Я всегда просчитываю все свои и чужие ходы. Поэтому всегда выигрываю!

– А ты не надорвешься, девочка?

– А вы попробуйте меня остановить, – Алина рассмеялась. – Девочки, чао! Калерия Константиновна, не унывайте! Судьба вам еще улыбнется! Все, я улетела!

Лукашева накинула на плечи норковую шубку с роскошным собольим воротником и упорхнула. Климова покачала головой: хороша, стерва! И что ты с ней сделаешь? А что-то делать надо...

... – Гуля, не плачь.

– Зачем она так? Я знаю: она это нарочно! Она меня ненавидит!

– Она всех ненавидит.

– Почему этот человек до сих пор в сборной, а? – Зарипова заплаканными глазами посмотрела на подруг по команде.

– Потому что она лучшая. На кону олимпийская медаль.

– Но ведь это подло!

– Алина прекрасно играет в керлинг, – пожалала могучими плечами Дора Давыдова по кличке Дора-давай, ведущий игрок команды Лукашовой. – Сегодня она лишний раз это доказала. Керлинг недаром называют шахматами на льду. Алька Климову сливает, а мы просто попали под раздачу. Нам поставили шах, девочки. Кто-то из нас на Олимпиаду теперь не попадает. Это может означать конец карьеры. К следующей Олимпиаде другие подрастут. Юлька еще, может, и проскочит, а я точно вылетаю. У меня и так лишний вес, да и возраст критический. И Розка тоже мимо кассы, ей сейчас тридцатник. Обидно уходить из спорта без олимпийской медали. Особенно когда был шанс.

– Алька – дрянь! – рубанула рукой воздух Юля Иванова,

игрок, выезжающий на лед вторым. – Она сыграла на себя! А нас подставила!

– Меня точно не возьмут, – вздохнула черноволосая смуглая Роза. – Я и так на чемпионате мира в запасных просидела. И на прошлой Олимпиаде. Я и сейчас не рассчитывала выйти на поляну, но на казенных харчах пожила бы месяцок с удовольствием. Тем более кормить будут хорошо. Не говоря уже о призовых.

– Да, призовые... М-м-м... – почмокала губами Дора-давай. – А медаль возьмем – машину дадут.

– Все, уплыла твоя машина, – горько улыбнулась Юля. – Забудь.

– У тех, кто сегодня выиграл, положение, между прочим, тоже не лучше, – хмыкнула Дора. – На сборы нас поедет десять человек. А на Олимпиаду возьмут пять. Так что пятеро из нас или из них явно пролетают мимо кассы. Вот там, в другой команде, будет настоящая драка! Но мы-то договоримся, а? Девочки?

Они переглянулись.

– И что ты предлагаешь делать?

– Надо подумать. Ведь мы играем в керлинг. А керлинг – это образ мыслей. Лукашова умная, но и мы не дурочки. Она поставила гард, но ведь и мы – профи! Теперь наш черед делать бросок!

В другой раздевалке тоже было жарко, Дора-давай угада-

ла.

– Не было ни гроша, и вдруг алтын, – невесело улыбнулась Евгения Свиридова, капитан выигравшей команды.

– Чего уж алтын, Женька! – подмигнула ей Настя Болотникова. – У нас золотая медаль чемпионата России!

– Ты, я вижу, радуешься.

– А чего мне, плакать, что ли?

– Угадала. Не просто плакать – рыдать. Теперь нам нервишки-то потрепят. Лукашова сыграла против Климовой, а получается, что стравила меж собой всех нас.

– Зато у нас появляется шанс! – тряхнула огненными волосами зеленоглазая Рита Майорова. – Ой, девочки, как же на Олимпиаду хочется!

– У тебя-то, может, и появляется шанс, – усмехнулась Свиридова. – Но только не у меня. Всем понятно, что из двух скипов выберут Лукашову.

– У тебя же огромный опыт международных соревнований! – горячо сказала Танечка Лепесткова, или, как ее еще называют меж собой керлеры, «наша добрая девочка».

– Мне уже тридцать три, – грустно сказала Свиридова. – Хоть и говорят, что керлинг – игра возрастная, но мне давно уже намекают, что мой поезд ушел. Пора, мол, переходить на тренерскую работу, а куда, если все теплые места заняты? Я бы ушла, если бы был вариант. На Олимпиаду меня при любом раскладе не возьмут, даже запасной.

– Если только с Лукашовой что-нибудь случится, – задум-

чиво произнесла Майорова.

– Да уж, тебе только на это и приходится рассчитывать, – подначила ее Женя.

– Это еще почему? – вскинулась рыжая.

– Неужели ты думаешь, что красотка Алина потерпит в команде еще и рыжую секс-бомбу? – вздохнула Танечка.

– Но я ведь хорошо играю!

– Это не имеет значения, – пожала плечами Свиридова. – Лукашова всегда тянет одеяло на себя. На всех фото – она в центре. Все внимание ей. Она – признанная красавица. Неужели ты думаешь, Рита, что Алька отдаст тебе хотя бы кусочек своей славы? Может, ты и неплохо играешь в керлинг, но твоя беда в том, что ты красивая. Ты видела, кто играет в одной команде с Лукашовой? Более или менее смазливая только Гулька Зарипова, но, во-первых, она брюнетка, во-вторых, ее Климова тащит, а в-третьих, Алька ее ненавидит и всячески старается выжить из команды. Дора толстая, Юлька страшненькая, а Маркович – неудачница. Ее все жалуют. Дольше всех играет в керлинг и, по сути, ничего не добилась.

– Дольше всех ты играешь, – напомнила Настя.

– Я-то, по крайней мере, сип, – усмехнулась Свиридова. – У меня есть команда, которая сегодня, между прочим, выиграла у Лукашовой. Неважно, каким образом, но выиграла. Команда Свиридовой, – сказала она с гордостью. – Я в запасных никогда не сижу. А Розка только этим и занима-

ется последние три года. Вот кто явный кандидат на вылет. За ее место, девочки, можете побороться. Дора тоже под вопросом. У нее явно лишний вес, ее Климова на тренировках гоняет больше всех и постоянно на нее орет. Да и позицию Ивановой незыблемой не назовешь. Вторым номером любой может играть. Кто-то же должен ответить за сегодняшний проигрыш?

– Да ведь Лукашова сделала это нарочно! – горячо сказала Настя. – Я не верю, что она ошиблась!

– Разумеется, нет, – усмехнулась Свиридова. – Это был тонкий тактический ход. Она хочет новых рабов набрать в свою команду, потому что старые взбунтовались. Если вы смирите свою гордость, у вас появляется шанс войти в историю: стать обладательницами первых олимпийских медалей в керлинге. По крайней мере, у двоих из вас точно есть шанс. Так что решать вам.

– Неужели мы будем интриговать друг против друга? А? – Танечка обвела глазами подруг.

– Можешь взять самоотвод, – пожала плечами Свиридова. – Скажи здесь и сейчас: я, Татьяна Лепесткова, на Олимпиаду не хочу, мешать никому не буду, и если место в сборной, неважно какое, хоть запасного, предложат мне, я от него откажусь и порекомендую мою подругу по команде. Риту или Настю. Ну? Клянись, Танька!

Лепесткова молчала.

– Ира, а ты что скажешь? – спросила Майорова у пятого

члена команды. И фамилия у девушки была соответствующая: Пятова.

Ирен (таково было ее полное имя, которое редко кто вспоминал) слыла тихушницей. На вид она была неуклюжей, носила очки с диоптриями, мешковатые джинсы и свитера. Чаще всего сидела в запасных, но предпочитала не высовываться, на игру никогда не просилась. Поставят так поставят, а на нет и суда нет. Вот и сейчас она молча пожала плечами:

– Как решат, так и решат.

– Может, ты тоже возьмешь самоотвод? – не унималась рыжая.

– В самом деле, Ира, у тебя ведь шансов меньше, чем у других, – намекнула Свиридова. – Ты же не будешь путаться под ногами у своих подруг по команде?

– Как решат, так и решат, – тихо, но твердо повторила Пятова.

– Итог: все хотят на Олимпиаду, и у всех, кроме меня, теоретически есть шанс, – поставила точку в разговоре капитан. Как и всегда: решающее слово в команде осталось за ней.

Девчонки молча стали собираться.

– Может, в кафе посидим? – предложила Танечка.

– Зачем? – пожала плечами огненная Рита. – Мы все уже обсудили.

Впервые в команде, которая раньше была дружной, повело холодком. Посидеть в кафе после матча давно уже стало традицией. Да и вообще среди керлеров так было принято:

после игры, каков бы ни был ее результат, – дружеские поделки. Мужики пили мировую, женщины обменивались впечатлениями и мирились, если в горячке, в пылу сражения, наговорили друг другу лишнего. Таков был дух керлинга. В первую очередь – благородство. В особенности по отношению к проигравшим.

Но сегодня что-то случилось. У подруг не было никакого желания продолжать разговор. Тем более неохота было обсуждать перипетии только что сыгранного матча. Всем было понятно, что Лукашова намеренно его слила. Принесла в жертву ферзя, чтобы заполучить выигрышную позицию перед решающей баталией: Олимпиадой. Недаром ведь керлинг называют шахматами на льду.

А ведь они победили! Отчего же на душе словно кошки скребут?

– Кого-нибудь подвезти? – спросила Свиридова перед тем, как сесть в машину.

Она была в команде единственным мастером спорта международного класса и, кроме собственного жилья, отличной двухкомнатной квартиры в Подмосковье, имела еще и новенькую иномарку. Раньше девчонки охотно прыгали к ней в машину и весело болтали, пока Свиридова развозила их по домам.

Но сегодня Рита вдруг заторопилась:

– Ой, меня ждут! На свидание опаздываю, девочки. Меня мой парень подвезет! – и упорхнула.

– А меня тетя ждет, – вздохнула Пятова. – Всем пока.

– Я на метро, – отвела глаза Танечка. – Сейчас пробки, а мне побыстрее домой надо. Мы с сестрой запланировали шопинг...

– Да хватит тебе оправдываться! – оборвала ее Свиридова.

– Таня права, – сказала Настя. – На метро быстрее. Меня тоже ждут.

– Ну, как хотите! – Свиридова села за руль и со злостью захлопнула дверцу.

Какое-то время она сидела, вставив ключ в замок зажигания и слушая мерное урчание работающего мотора. В зеркало заднего вида Женя видела, как Танечка с Настей идут в сторону метро. Ее трясло от злости.

– Что это я? – опомнилась вдруг Женя. – При чем здесь мои девчонки? Это все Лукашова! Ненавижу ее!

Как назло, на переднем сиденье рядом с водительским местом лежал спортивный календарь. С обложки на Женю смотрела улыбающаяся Алина. На ней был белоснежный купальник-бикини, и стройное загорелое тело Лукашовой смотрелось в нем великолепно. Ни грамма жира, каждая мышца отточена, пресс с кубиками, высокая грудь, длинные ноги, тонкая талия. Причем никакого фотошопа! Все – натуральное! Не женщина, а мечта!

Свиридова со злостью схватила календарь, оторвала обложку и стала рвать фотографию Алины на мелкие кусочки, приговаривая:

– Ненавижу! Как же я тебя, Алька, ненавижу!

В самом начале декабря членов обеих команд, что заняли первое и второе места на чемпионате России, вызвали на сборы. Спортивная база находилась в Подмоскowie, перед Олимпиадой денег не жалели, поэтому все было оборудовано по высшему разряду, условия проживания просто сахарные, а питание на убой. Для тех, кому спортивный режим это позволяет. Есть ведь, к примеру, летающие лыжники, чей вес должен быть не больше пера. Шутка, конечно, но диета у них жесточайшая. Меньше вешишь – дальше улетишь.

Слава богу, к керлерам это не относилось. От них требовалось больше смекалки и точности, чем атлетичности, хотя хорошая физическая форма, безусловно, приветствовалась.

Климова, сама бывшая спортсменка, которая пришла в керлинг из легкой атлетики, спуску своим подопечным не давала.

– Зачем нам все это? – злилась Алина после убойной разминки. Калерия так их погоняла, что Лукашова чувствовала буквально каждую мышцу. Ноги гудели, живот ныл. – Просто она мне так мстит!

– Ты бы ей лучше спасибо сказала! – усмехнулась Гуля. – Именно благодаря Климовой у тебя такое тело, что тебе постоянно предлагают фотосессии для глянца.

– Слушай, почему ты везде лезешь? – вспыхнула Лукашова. – Твой номер – шестнадцатый, усекла? Ты в команде без

году неделя, понятно, чтобы удержаться, тебе надо подмахивать тренеру! Подлипала!

— За что ты так? — На глазах у Зариповой выступили слезы. — Что я тебе сделала?

— А она чувствует, что ее время прошло, — намекнула Юля Иванова. — Еще один такой камень, как в финале этого чемпионата России, и Алечка нас покинет. Пойдет на скамейку запасных. Калерия Константиновна теперь начеку, а уж она-то знает, как избавляться от строптивых.

— Ты что сказала?! — накинулась на нее Лукашова. — Повтори: что ты сейчас сказала?!!

— С цепи сорвалась? — отпрянула Юля.

— Сучка! Предательница! — Алина аж затряслась от злости, лицо красавицы пошло пятнами. Но между ней и Ивановой встала Дора-давай. Обойти ее было все равно что потеснить гранитный утес. — Уйди! — заорала Лукашова.

— Алька, остынь, — миролюбиво сказала Дора. — Ты к нам несправедлива. Мы были командой, а ты все развалила. Ведь это из-за тебя мы теперь мучаемся неизвестностью. Тебе так важно свалить Климову?

— Да!

— Ну а нам она нравится. Правда, девочки?

— Ты за себя говори! — крикнула Лукашова.

— И скажу! Таким нервным, как ты, не место на поляне. Из-за тебя мы и Олимпиаду сольем. А вот с Гулькой — выиграем!

Алина размахнулась и влепила Доре пощечину. Та ахнула и взялась за пылающую щеку:

– Ах ты... Ну, держись!

– Стоять! – раздался властный окрик.

Все это время Калерия Константиновна следила за разборками бывших подруг. Она слышала все, что сказала Алина, каждое ее слово. Но остановила своих подопечных только тогда, когда началась драка.

– Я сказала: прекратить! Вы что, с ума сошли?! Вы где находитесь?!

Давыдова и Лукашова, тяжело дыша, стояли друг против друга, слова тренера доходили до них с трудом. Первой опомнилась Дора:

– Я... Сама не знаю, как это вышло, Калерия Константиновна.

– А ну извинитесь друг перед другом! Немедленно!

– Извини, Алина, – с трудом выдавила из себя Дора.

– Алина? – настаивала Климова.

– Еще чего!

– Ты хоть и звезда, но вылетишь у меня с треском из команды, клянусь! Так ты меня достала! А ну! Возьми себя в руки! – Голос Калерии зазвенел. – Ты давно уже даешь звезду, Лукашова! Краев не видишь! У меня тоже есть связи! Да я тебя уничтожу, если ты немедленно не перестанешь разваливать команду!

– Извини, – сквозь зубы сказала Лукашова Доре-давай.

– Обнимитесь, – велела Климова.

Девушки подошли друг к другу, и Дора неуклюже обняла Алину.

– Я тебе этого не забуду, – шепнула она на ухо Лукашовой.

– Тебе конец, сука, – пробормотала та так, чтобы Калерия не слышала.

– Все, разойдитесь. Продолжаем. Камни на лед. Приступаем к тренировке броска. Всех касается! Начали! – Климова громко хлопнула в ладоши.

В разминке участвовали обе команды, то есть все десять девушек. Все они внимательно наблюдали за стычкой между Дорой-давай и Алиной, едва не закончившейся дракой. Разумеется, симпатии всех были на стороне Давыдовой. Климова права: Алька давно дала звезду.

– Если они будут в одной команде, эта команда никогда не выиграет олимпийскую медаль, – заявила Свиридова рыжей Рите так, чтобы слышала Климова.

– Да они даже в полуфинал не выйдут! – тряхнула та огненными кудрями.

– Все, это конец, – уныло сказала Танечка.

– Интересно, что там себе иностранцы думают?! – возмутилась Настя Болотникова.

Готовить команду к Олимпиаде поручили специалистам из Канады. Оно понятно: в Канаде керлинг второй вид спорта после хоккея, их керлеры аж двадцать четыре раза становились чемпионами мира! И девять раз первенство планеты

выигрывали женщины. Именно канадец стал главным тренером сборной. В отличие от Климовой, он упирал не на технику, а на тактику. Поэтому на тренировки без спортивных снарядов, то есть без камней для керлинга, канадец смотрел сквозь пальцы. Оживлялся он, лишь когда спортсмены выходили на ледовую дорожку со щетками в руках. Разумеется, по-русски канадец не говорил ни слова. Точнее, два слова: «карашо» и «плёхо-плёхо». Причем у него получалось «плёх-плёх», похоже на кудахтанье. Девчонки, привыкшие к резкому тону Климовой, заслышав это кудахтанье нового тренера, невольно начинали улыбаться. И уж, конечно, его не боялись. Добрый дядечка, и, похоже, ему плевать, получат русские свою первую олимпийскую медаль по керлингу или нет. Это у них медальный план, а у него счет в банке. Который растёт вне зависимости от результата.

Женя Свиридова так и сказала:

– Иностранцы в России деньги зарабатывают. Выиграем мы или проиграем, они в любом случае будут не внакладе. Они свою зарплату, причем не маленькую, регулярно получают. Что он может сделать, если ни черта не смыслит по-русски? Ни словечка?

Канадский тренер и в самом деле, оживленно жестикулируя, обсуждал что-то, стоя на трибуне, со своим коллегой и при этом смеялся. Он даже не понял, что на ледовой дорожке чуть было не случилась драка!

– Девочки, по местам! – скомандовала Климова.

Все отправились к бортику, где лежали приготовленные для тренировки камни. Все, кроме Лукашовой, которая картинно вышла на лед. На трибуне она заметила знакомого журналиста и решила попозировать. Она уже предвкушала завтрашние заголовки: «Сборная России на тренировке перед Зимней Олимпиадой. Скип Алина Лукашова готовится вывести свою команду на лед».

– Правильно, не царское это дело – готовить спортивные снаряды, – негромко сказал кто-то.

– Конечно! Она же у нас королева!

Девчонки переглянулись и хмыкнули.

– Тихо! – скомандовала Климова. – Вы и так почти сорвали тренировку! Поторопитесь, мы потеряли время!

Спортсменки кинулись к бортику, возникла заминка. Потом почти двадцатикилограммовые камни полетели по льду к центру поляны. И вдруг раздался отчаянный крик:

– Аа-а-а!!!

Кричали с трибуны. Девчонки обернулись, кто-то просто поднял голову, и все увидели лежащую на льду Алину.

Первой опомнилась Климова и кинулась к ней:

– Аля! Аля, что с тобой! Господи, кто видел, что случилось?!

С трибуны к ним поспешно спускался лохматый парень, на шее у которого болтался фотоаппарат. Вдруг он опомнился и торопливо сорвал его. Засверкали вспышки.

– Прекратите! – закричала Климова. – Немедленно пре-

кратите снимать!

Спортивный журналист торопливо сфотографировал орущего тренера. Потом лежащую на льду Алину.

– Врача! – отчаянно закричала Калерия Константиновна. – Немедленно врача! Боже! Она еще дышит!

На лед торопливо выбежал полноватый мужчина с чемоданчиком в руке. Девять спортсменов столпились вокруг лежащей на льду Алины и стоящего перед ней на коленях тренера. Все молчали.

– Пропустите! – скомандовал врач. – Что с ней?

– Я видел! – разбрызгивая слюну, закричал лохматый парень. – Я все видел! Я ее снимал, она мне позировала! И вдруг камень! Он летел с такой силой, что сбил ее с ног! И она плашмя грохнулась на лед! Вот! Я все заснял! Смотрите! Вот она стоит, а вот уже лежит! – Он торопливо принялся нажимать на кнопку, прогоняя кадры фотосъемки назад.

– «Скорую»! Срочно! – крикнул врач, поднимаясь с коленей. – И носилки! Она, похоже, крепко ударилась головой о лед. Удар по ногам был неожиданный, девочка, падая, не сгруппировалась.

– Она хоть жива? – воскликнула Климова. – Ах да! О чем это я? Она ведь дышит!

– Возможен перелом основания черепа, – сказал врач. – Дело серьезное.

– Да уж, со льдом не шутят, – кивнула Климова. – Господи, да когда же приедет эта «Скорая»!

– Надо очень осторожно перенести девушку со льда на трибуны. Ей нельзя переохладиться. А ну-ка! Где там мои помощники! Носилки! Быстро!

На трибуне, не трогаясь с места, что-то лопотал растерявшийся канадец.

Алину бережно уложили на носилки и унесли со льда.

И тут только до Калерии Константиновны дошло:

– Кто бросил этот камень? – спросила она.

Все молчали.

– Круговая порука, да? Или... вы не знаете?

Спортсменки переглянулись:

– Мы не знаем, Калерия Константиновна. Мы ничего не видели.

– Девочки, я не желаю слушать ваш жалкий лепет! – сорвалась Климова. – А ну, отвечайте! Кто из вас бросил камень?!

...Леонидову не спалось. С тех пор как он ушел от жены и переехал жить к маме, сон пропал. «Старею, что ли?» – подумал Алексей, со злостью отбрасывая одеяло. Он протопал на кухню, рванул пробку с бутылки с минеральной водой. Пить не хотелось, но лежать, бессмысленно глядя в окно, откуда виден только соседний дом с мертвыми черными окнами, не было сил. На дворе глубокая ночь. Всем хорошо, все спят, и только он места себе не находит.

– Не спится, Леша? – Мама стояла в дверях и смотрела на

него с жалостью.

– Ты, как я вижу, тоже не спишь.

– Так ведь переживаю за тебя! Вернулся бы ты к Саше, а?

– Ну вот, началось!

– Леша, из-за ерунды же поссорились.

– Ты радоваться должна: я опять живу с тобой. Всегда готов подать стакан воды. Разве не об этом мечтают все матери?

– Матери мечтают о том, чтобы их дети были счастливы.

– А я счастлив!

– Кого ты обманиваешь?

– Мама, иди спать. Со своей жизнью я сам как-нибудь разберусь.

Она вздохнула, но послушалась. Ушла. Он залпом выпил стакан минеральной воды и вслух сказал:

– Черт знает что!

Уснул он только под утро и во сне увидел огромного лохматого пса, сплошь облепленного репейником. Пес смотрел на Алексея грустно-грустно и вел себя тихо-тихо. Словно и не волкодав, а какая-нибудь болонка.

«А с чего я взял, что это волкодав?» – подумал он, открыв глаза.

– Мать, к чему собаки снятся? Ты у нас веришь во всякую чепуху, типа гороскопов, – спросил он за завтраком.

– Для тебя – к проблемам, – сердито ответила она.

– Это еще почему?

– Потому что, пока ты не вернешься к жене и детям, у тебя будут одни сплошные проблемы!

«Типун тебе на язык», – подумал он и еще до обеда был вызван к высокому начальству. Разноса Леонидов не боялся. Сам давно стал начальником и суть подковерных игр знал отлично. Если секретарша говорит таким медовым голоском, значит, все в порядке. Чуть ли не хвостиком виляет. Едва он вошел в приемную генерала, спросила:

– Алексей Алексеевич, вам чай или кофе?

– Кофе, – хмуро сказал он, чувствуя, что бессонница его доконала. Весь разбитый, голова болит, сердце колет. – Без сливок и сахара. Двойной.

– А, Леша, присаживайся! – сказал генерал.

Он сел.

– Ирочка, кофейку нам, – велел хозяин кабинета.

– Уже варю! – весело ответила секретарша.

«И чего лыбится? – со злостью подумал Леонидов. – Как же! Она-то выпалась!»

– У меня к тебе серьезный разговор, Алексей.

– Оно и понятно: не первое апреля, – туманно ответил он.

– Нравится мне твое чувство юмора, Леша! – рассмеялся генерал. – Вот потому я и обратился к тебе. Ты ведь у нас, кажется, спортсмен?

– Кто? Я? – Леонидов похлопал себя по животу, на котором, когда он сел, образовались складки. – Был когда-то, но теперь – сами видите.

– Но все равно. Хоккей, к примеру, смотришь?

– Кто ж его не смотрит? – насторожился Алексей.

– А фигурное катание?

– Вы к чему это клоните?

– Дело, Алексей, государственной важности. – Генерал вздохнул, надел очки и открыл лежащую на столе папку. В это время Ирочка принесла поднос и принялась расставлять чашки. Когда она ушла, генерал продолжил: – Тебе известно, что скоро начнется Олимпиада?

– По-моему, это всем известно, – осторожно сказал Алексей. – Даже тем, кто не любит спорт и никогда его не смотрит по телевизору.

– А ты знаешь, что мы должны занять в общекомандном зачете место не ниже второго?

– Это *они* должны. Чиновники от спорта. У них медальный план. И денег грохнули – мама дорогая! Сколько дворцов за границей закупили! Сколько яхт построили! Это же все надо отмедалить!

– Тихо-тихо, – остановил его генерал.

– А есть человек, который думает по-другому? – удивился Алексей.

– Я тебя не затем позвал. У нас обличителей хватает. Стоит только инет открыть.

– Где? – Алексей обвел глазами просторный кабинет.

– Не научился, грешен, – вздохнул генерал. – Поэтому по старинке все на бумажке записываю. – Он уткнулся в пап-

ку. – Значит, так. На спортивной базе произошло предположительно покушение на убийство. Капитан команды керлеров, железно попадающей в олимпийскую сборную, находится сейчас в больнице в тяжелом состоянии. В коме она, Леша. И на Олимпиаду, соответственно, не попадает. Произошедшее можно квалифицировать как несчастный случай на тренировке, что происходит сплошь и рядом.

– Я в курсе, – кивнул Алексей. – Спорт дело такое. Травмоопасное.

– Мы бы и списали все на несчастный случай. Если бы не напряженнейшая обстановка в команде. В общем, развалилась она, Леша, – грустно сказал генерал. – А медаль у нас в плане. Средства большие выделены. Понятно, всем хочется поехать на Олимпиаду. Тот, кто попытался убить Лукашову, на этом вряд ли остановится. Если он поймет, что не попадает в сборную, примется еще энергичнее расчищать себе место.

– Пошлите туда опергруппу, – пожал плечами Алексей. – Заведите уголовное дело. Задержите преступника, в конце концов. Я думаю, несложно установить, кто совершил покушение на, как вы сказали?.. Лукашову?

– Алина Лукашова – скип сборной. Иначе – капитан. Ключевой игрок. За ее место теперь и будет главная битва.

– Ну так разберитесь, наведите порядок. В рамках закона.

– В том-то и трудность, – генерал тяжело вздохнул и закрыл папку. – Разобраться можно. И наказать тоже. А Олим-

пиаду кто будет выигрывать, а? Керлинг – молодой вид спорта. Игроков мирового уровня немного, и каждый из них на вес золота. Потеря Лукашовой – уже трагедия для сборной. А если преступление совершил игрок, без которого команда на Олимпиаде провалится? А?

– Что ж, выходит, если ты надежда олимпийской сборной, то и убивать можно? – сердито спросил Леонидов.

– Есть такая пословица: победителей не судят. Поэтому решение принято такое...

– Кем принято?

– Эта Олимпиада – дело государственной важности. Все на контроле в самых верхах, и решение принято там же. Поэтому я с тобой разговариваю, а не твой непосредственный начальник. В общем, так... Дело возбуждать пока не будем. Ты поедешь туда один, под видом, ну, скажем, какого-нибудь помощника по чему-нибудь, неважно, и все разузнаешь. Ты гениальный сыщик, Леша, можно сказать, лучший, – польстил генерал. – Поэтому для тебя это пара пустяков. Ты все узнаешь, получишь признание убийцы, и мы подождем до Олимпиады. Если, конечно, это игрок сборной. Дадим ему выступить, а потом... Если он станет чемпионом или хотя бы призером, тема закрыта. Потому что победителей не судят. Сам понимаешь, ему Президент лично пожмет руку. И вся страна будет им гордиться. А если он проиграет, то мы его накажем по всей строгости закона, – сурово сказал генерал. – Ты все понял?

– Ловко, – Леонидов покачал головой. – Хорошие психологи со сборной работают. Ведь это мотивация, а? При Сталине недаром почти у всей верхушки родственники сидели. И атомную бомбу делали за страх, не за совесть. Потому что страх – сильнейшая мотивация. Если человек будет знать, что, проиграв, он сядет в тюрьму, а выиграв, получит славу, почет и уважение, плюс огромные деньги, он сделает все, чтобы победить. Ох, и роль же вы мне отвели!

– Приказы, майор Леонидов, не обсуждают. – Генерал встал, Алексей тоже поднялся.

– Я терпеть не могу керлинг, – попытался выкрутиться он. – Скуднейшая, бессмысленная игра.

– Ничего, полюбишь. Короче, на, – генерал сунул ему папку. – Обо всех, кто был в тот день на тренировке и мог попытаться убить Лукашову, прочитаешь в Интернете. Официально ты в отпуске.

– Я на август заявление написал, – уныло сказал Леонидов.

– Ты теперь человек холостой, поэтому тебе все равно, зимой отдыхать или летом.

– Откуда знаете?

– Здесь всё обо всех знают. Ты не в цирке работаешь, а в органах.

– А так иногда на цирк очень похоже, – попытался пошутить Алексей. – Может, другого кого-нибудь найдете, а?

– Ты иди, вещички собирай. Чего время тянуть?

– Хорошо хоть в Сочи прокачусь на халяву, – вздохнул Леонидов.

– Еще чего! В Сочи! Не дальше Химок, – ехидно сказал генерал. – Сборы будущих олимпийцев проходят на подмосковной спортивной базе. На сочинский лед их выпустят перед самыми играми. Там еще все подготовить надо. Ну, может, дадут недельку-другую форы, а может, и нет.

– Хоть какие-нибудь плюшки мне положены? – спросил Алексей.

– Положены. Тебя встретит старший тренер Калерия Константиновна Климова. Женщина в твоём вкусе. Кстати, не замужем. У тебя есть шанс устроить свою личную жизнь, Леонидов.

– Все понял, – понурился он. И грустно посмотрел на чашку остывшего кофе. – А мама-то была права. Большие собаки, да еще и в репьях, снятся к большим проблемам...

– Лешенька, ты чего так рано? – испугалась, увидев его в дверях, мама.

– Уволили меня, мать. За падение морального облика и несоответствие высокому званию полицейского. Сказали: или к жене возвращаешься, или – пиши рапорт об отставке!

– И ты написал?! – ахнула она. – Господи, Леша! У тебя такая замечательная жена! Уж мог бы и поступиться своими принципами! Я думала, ты взрослый мужчина, а ты еще ребенок!

– Взрослый мужчина, мама, – это тавтология. Если мужчина, то понятно, что взрослый. Ты от волнения утратила свои профессиональные навыки.

– Ты еще учить меня будешь! – Она замахнулась на него тряпкой. И вдруг расплакалась: – Неприкаянный, а теперь еще и безработный...

– Да пошутил я! Задание мне дали! Еду на спортивную базу, там будущие олимпийцы поцапались! Официально я в отпуске.

– Ты меня не обманываешь?

– Вот, – он вынул из кармана конверт. – Отпускные. Да клянусь тебе, что отпускные, а не выходное пособие!

– Поклянись своими детьми! – велела мать.

– Клянусь Ксюшей и Сергеем, что я по-прежнему работаю в органах!

– Что тебе с собой собрать? – деловито спросила она, смахнув слезы.

– Халат и тапочки. Желательно белые. Шучу. Ну, костюм спортивный, наверное. Кроссовки. Надеюсь, там хоть кормят нормально, – он вздохнул. – Я еду завтра утром. А сегодня весь день буду работать. Мне надо подготовиться, чтобы знать, с кем придется иметь дело.

– Я сейчас, Лешенька, – засуетилась мать. – Я мигом...

Конечно, он не удержался и первым делом набрал в поисковой строке «Климова Калерия Константиновна». Интересно, откуда в Управлении знают, какие вкусы у Алексея

Алексеевича Леонидова? Почему вдруг генерал решил, что эта женщина должна ему понравиться?

Он минут пять смотрел на фотографию и вынужден был признать, что генерал оказался прав. Климова Алексею понравилась, по крайней мере, на фото. Стильная короткая стрижка, чуть выющиеся волосы медового оттенка, чувственные полные губы, глаза серо-голубые, близко посаженные, но это ее не портило. И упрямый, выдвинутый вперед подбородок, что говорит о сильном характере.

«Господи! – ахнул он. – Да она на Сашу похожа!»

Внешнее сходство с женой было налицо. Даже завитки на лбу. У Саши тоже кудрявые волосы, правда, выются они сильнее, чем у Климовой, и намного длиннее.

«Мужчина обречен всю свою жизнь поклоняться одному типу женщин», – грустно подумал Алексей и принял-ся изучать биографию Калерии Константиновны. Согласно данным на официальном сайте, ей сорок один год. В другой статье значилось сорок два, но, возможно, журналист ошибся. В конце концов, год – это не принципиально. Ей немного за сорок. Стояла у самых истоков отечественного керлинга, настоящая история которого началась в России лишь в девяностых. А ведь могло быть и по-другому, если бы большевики не признали этот вид спорта буржуазным и не высмеяли тех, кто пытался им заниматься. В Советском Союзе умели подвергать остракизму все чуждое простому народу и насквозь буржуазное.

А в начале девяностых, когда старый строй рухнул, появились энтузиасты, которые поставили на новый для россиян вид спорта, керлинг. Игроки пришли на ледовую поляну кто из баскетбола, кто из легкой атлетики, кто из фигурного катания. Климова до того, как заняться керлингом, бегала на средние дистанции. Алексей слегка напрягся, потому что и сам раньше бегал. И тоже, ты подумай! На средние! Ему никогда не давался спринт, не хватало взрывной стартовой скорости, и он не вытягивал марафон, не хватало выносливости.

Алексей посмотрел на Климову повнимательнее. Жаль, что нигде нет ее фотографии в полный рост, приходится только догадываться, какая у нее фигура. Он невольно втянул живот. Чтобы понравиться такой женщине, одного интеллекта мало.

«Да что это я? А вдруг она просто мегера! И голос у нее писклявый».

В керлинге Климова достигла определенных успехов. Возглавляемая ею команда (Калерия была скипом) вышла на международный уровень, и именно с подачи Климовой наши девушки стали наконец завоевывать призовые места. Потому что, покинув большой спорт, Калерия Константиновна подалась в тренеры. В одной из статей упоминалось, что она была замужем, но с мужем разошлась лет пять назад. И всю себя посвятила своим подопечным.

«Этакая мамочка от спорта, – отметил Алексей. – Мама для всех».

В общем, керлинг был для Климовой всем. Она без конца находилась в разъездах, то на соревнованиях, то на сборах, и почти не бывала дома. Типичная жизнь спортивного тренера, работающего со сборной: на чемоданах. «У нее даже собаки нет, – грустно подумал Алексей и почему-то вспомнил приснившегося этой ночью волкодава. – И наверняка никакой личной жизни. Легкая добыча... Уж не собираюсь ли я за ней приударить?» – одернул он себя. Впервые Алексей вдруг понял, что абсолютно свободен. Саша не искала примирения.

– Одумается – сам вернется, – сказала она свекрови, когда та попыталась помирить супругов.

Саша была уверена в своей силе и в слабости мужа. Уверена в том, что такое «добро» никому не нужно. Вечно занят, с дурацким, по ее мнению, чувством юмора, какой-то мент, пусть и майор. Взятки не берет, оно и понятно: не в ГИБДД работает. Все разговоры только о трупах и о том, какой он, Леонидов, умный, и какие все остальные дураки. Меж тем о семье этот умница необыкновенный позаботиться не может, вечно его надо обо всем просить, по десять раз напоминать. Даже о контрацепции он подумать не в состоянии, с удивлением недавно узнал, что жена принимает противозачаточные таблетки.

– А я думал, мы уже старые...

Сейчас и он наконец понял, что далеко еще не старый. Потому что регулярного секса, или, как говорят, половых отно-

шений, у него теперь нет, а к случайным связям он пока не готов. Первый приснившийся ему эротический сон Леонидов воспринял с досадой. После второго задумался, а после третьего задумался крепко. От Саши он ушел в начале осени, а сейчас уже зима! Три месяца без жены, это вам... А тут еще и собака огромная приснилась! В репьях! И, скажите на милость, даже не лает!

«А Климова хороша...»

Он заставил себя переключиться с главного тренера на членов ее команды. И тут же наткнулся на фотографию Алины Лукашовой. У него челюсть упала: черт возьми! Вот это красotka! Даже обидно, что такая женщина лежит в коме и за ее жизнь всерьез опасаются врачи!

Он с энтузиазмом щелкал мышкой, открывая во весь экран все новые и новые фотографии Алины. А их было много. Алина на льду, Алина в тренажерном зале, Алина в бикини...

– Докатился! – раздался за спиной мамин голос. – Вот что значит жить без жены! Ты уже лазаешь по порносайтам!

– Мама, я работаю!

– Да вижу я, как ты работаешь. На, – сердито сказала она, грохнув на стол тарелку. – Я тебе поесть принесла. Хотя... иди-ка ты, Лешка, на кухню.

– Ма! Это спортсменка! На нее покушались!

– Ой, не ври! Какая же это спортсменка? Она вон, почти голая!

– Это делается в рамках продвижения малопопулярного пока в России вида спорта в массы.

– Сиськи голые показывают в рамках продвижения? – ехидно спросила мать.

– Мама! Ты же культурная женщина! А говоришь «сиськи»!

– Я-то культурная... А вот эта твоя девка... Небось уха-жер ее и грохнул. С другим мужиком не поделил.

– На льду в тот день были одни только женщины, – вздохнул Алексей.

И, щелкнув мышкой, закрыл фото Алины. Остальные девчонки были далеко не красавицы. И сведения о них весьма скудные. Год рождения, спортивное звание, даты громких побед, если таковые имелись, место учебы и ничего о личной жизни. Ноль. Даже у Алины. А ведь были же у красотки громкие романы! Ей уже двадцать семь!

Мама постояла и ушла, увидев, что сын рассматривает одетых девушек. Он попытался было составить психологический портрет каждой, но сведений оказалось слишком мало. Керлинг был у журналистов не слишком популярен. Только Лукашова стала звездой. Но в интервью, которые она давала, говорилось в основном об отношениях в команде, перспективах на медали, об изнуряющих тренировках. Ничего интересного с точки зрения криминала.

Алексей просидел за компьютером весь день и почти ничего стоящего не нашел.

За исключением последней фотосессии Лукашовой. Он даже распечатал эти снимки, потому что на них Алина блистала в последний раз. Неизвестно, как теперь сложится ее судьба. Даже если она выйдет из комы, это будет уже совсем другой человек. Что она вспомнит из прошлого? Насколько необратимы будут последствия травмы для ее головного мозга? Ведь керлинг – интеллектуальный вид спорта. Тут думать надо. С керлингом, скорее всего, ей придется завязать. А кому она нужна вне спорта? Уж сколько их упало в эту бездну! Этих звездочек, у которых было все, пока сами они стояли на пьедестале. Некоторые пробились, сидят теперь в Думе или на других теплых местах, чиновничьих. Но это олимпийские чемпионы, в крайнем случае, медалисты. Лукашова таковой не стала. Не успела. Выходит, судьба ее незавидна.

Да, подложил кто-то девушке свинью...

Алексей внимательно рассматривал фото. Вот ведь лопух этот журналист! Все свое внимание уделил Лукашевой. Она все время была в прицеле фотокамеры. Вот Алина стоит на льду, приветственно подняв руку. Прищурившись, смотрит вдаль. Вот она взмахнула щеткой, словно готовясь мести лед. На губах улыбка, глаза затуманены. Они у нее с поволокой. Лишь на одной фотографии виден летящий в нее камень. Изображение смазано, потому что снаряд двигался. Да что там! Летел! Кто-то с силой запустил его в Лукашову. Алексей закрыл глаза и попытался смоделировать ситуацию.

Алина позирует фотографу. Тело ее расслаблено, она ведь

почти профессиональная модель. Сколько их у нее уже было, этих фотосессий! Она прекрасно знает, что лучшие снимки получаются, когда модель стоит в непринужденной позе, а если двигается, то ее движения расслаблены. И в этот момент по льду летит с силой пущенный камень. А весит он, на минуточку, без малого двадцать килограммов! Этакая гранитная глыба. Алина стоит лицом к трибуне, откуда ее фотографируют, и спиной к нынешним и будущим подругам по команде, которые выкатывают на лед камни, чтобы продолжить тренировку. Камень направлен ей прямо в ноги. Удара она, разумеется, не ждет. Поэтому, не сгруппировавшись, с высоты своего роста падает на лед и ударяется о него головой. Со всего маху.

На следующем снимке она уже лежит. Как журналист, должно быть, пожалел, что не снимал тренировку на видео!

Алексей разложил перед собой снимки в той последовательности, в какой они были сделаны, и еще раз мысленно обругал фотографа. Непонятно, кто сделал бросок. Девчонки, судя по всему, стояли у бортика толпой. Фотограф их игнорировал, все внимание уделил Алине.

Зато теперь выложил эти снимки в инете с ликующей надписью: «Сенсация!» Последние мгновения красавицы Лукашовой на льду! Мамочки, сколько просмотров! Нынче люди делают себе имя на чужом горе. А народ смакует кровушку, благо вкус ее уже привычен, и он так сладок.

Алексей с досадой собрал снимки, сверху оказалась улы-

бающаяся Алина. Даст бог, обойдется. А того, кто это сделал, он обязательно найдет. Задача для первоклассника. Все куклы в коробке, то есть все подозреваемые на месте, никуда со спортивной базы не делись. Да и некуда им деваться. Убийца сделал ход, то есть результативный бросок, и теперь ждет последствий.

Не ждет он только одного: что завтра на поляне появится куда более сильный противник. И главная его сила в том, что никто не будет знать, кто он такой и чем по-настоящему занимается.

Энд второй

«Ненавижу керлинг, – тосковал Леонидов, бредя от ворот спортбазы, к которым его подвезла служебная машина, к главному корпусу, где, как ему сказали, его ждет сама Калерия Константиновна. – Ну почему покушение совершили не на известного хоккеиста, скажем? Или на биатлониста? Да хотя бы на лыжника. С каким удовольствием я бы потусовался на трибуне, следя за летящей в ворота шайбой, а в биатлоне еще и пострелять бы дали! И жизнь моя на какое-то время стала бы насыщенной и интересной. А сейчас – тоска...»

Из всех телевизионных каналов Алексей предпочитал те, по которым непрерывно шли трансляции спортивных соревнований, но керлинг не смотрел никогда. Увидев на экране картинку из Ледового дворца, он было оживлялся, но уже через минуту понимал: э, что-то не то! Мужики почему-то не на коньках, а в тапочках. Да еще и со щетками в руках. И эти полотеры еще называют себя спортсменами! Интересно, кому удалось-таки пропихнуть керлинг в олимпийские виды спорта? Смотреть его – только время зря терять.

– Тут у вас заблудиться можно, – сказал он вахтеру, бросив на пол тяжелую сумку. Мамоchка постаралась! Снарядила, как в поход по горам! Разве что котелок не положила, кашу варить!

– Спортивная база построена с таким расчетом, чтобы здесь могли разместиться пятьсот человек, – раздался грудной женский голос. – А вы, я так понимаю, и есть Алексей Алексеевич Леонидов?

Он повернул голову направо. С низенького удобного диванчика, спрятавшегося за листьями пальмы, навстречу ему поднялась стройная женщина с волосами медового цвета. На вид он дал бы ей не больше тридцати пяти. Или даже тридцати. Она оказалась невысокого роста, стройная, но не хилая, как анорексичные звезды подиума, напротив, у Климовой были довольно широкие для женщины развернутые плечи и сильные руки, Алексей был уверен, что под тонким свитером не просто мяско, а солидная мускулатура.

Леонидов, который и сам был невысокого роста, приободрился. Одним комплексом меньше. Даже если Климова наденет туфли на каблуках, она все равно не будет смотреть на него сверху вниз.

– Да, я Леонидов, – кивнул он. – А вы – Калерия Константиновна.

– Она самая, – Климова улыбнулась. – Ну, пойдемте, я размещу вас в жилом корпусе и представлю вашему непосредственному начальнику.

– Как – начальнику? – ужаснулся он.

– Вы же здесь работать собираетесь, – усмехнулась Климова. – Жить и работать.

– Да, но... У меня э-э-э... задание.

– Да? – она посмотрела на него в упор. Глаза у нее и в самом деле серо-голубые, как на фото, только стали в них больше, чем неба. Алексей сразу понял, что перед ним женщина властная, свободолюбивая и, скорее всего, феминистка. – Но вам ведь нужна легенда? И надо, чтобы люди в нее поверили, так?

– Да, – кивнул Алексей. – О том, что я сыщик, будем знать только мы с вами. И больше никто.

– Тогда вкалывать вы должны по-настоящему, – ехидно улыбнулась Калерия Константиновна. – Не филонить и все указания вашего непосредственного начальства выполнять. Вещички возьмите, – кивнула она на сумку, лежащую у ног Леонидова.

Он с тяжелым вздохом вновь навьючил на себя поклажу. Пока стояли в холле – вспотел. Калерия вывела его на улицу и повела по лабиринтам заснеженных дорожек куда-то в глубь территории. Она шла легко, каждый ее шаг пружинил, дыхание было ровным, Алексей же, напротив, еле переставлял ноги и задыхался.

– Проблемы со здоровьем? – сочувственно спросила Климова. – Как же вы в милиции работаете?

– В полиции.

– Тем более. Или вы занимаетесь исключительно интеллектуальным трудом? В таком случае, вам обязательно надо играть в керлинг. И мозги потренируете, и вес сбросите, а заодно избавитесь от одышки.

– Керлинг – это не спорт, – сердито сказал он.

– Ого! – Она так резко остановилась, что Алексей чуть не сбил ее с ног. – Это не вы случайно пишете на форумах, что керлинг – полный отстой, а играют в него только придурки?

– Я на форумах не пишу. У меня времени на это нет. Это ваше дело, кого тренировать, бегунов или шахматистов. Я хотел сказать, шахматистов на льду.

– Я вижу, вы навели обо мне справки, – усмехнулась Климова. – И что удалось узнать?

– Очень мало. Надеюсь, остальное вы мне расскажете. Ведь так?

Она стремительно зашагала вперед. Алексей рванулся следом, и у него опять сбилось дыхание. «Издевается, – подумал он. – А зачем ты сказал, что не любишь керлинг? Ты же хотел установить с ней контакт, а вместо этого настроил против себя. Идиот!»

Калерия шла, не отвечая на его вопрос и не оборачиваясь. «Она будет мне мстить», – уныло подумал Леонидов. В тот момент он даже не представлял, насколько ужасна будет эта месть!

Наконец впереди показался красавец Ледовый дворец. Он был похож на айсберг, величаво выплывающий навстречу восходящему солнцу из океана заснеженного леса. Точнее, заходящему, потому что в декабре темнеет рано. Сделанный почти сплошь из стекла, дворец весь светился и переливался, а на его огромных окнах плясали багровые сполохи. День

стоял ясный, морозный, снег под ногами хрустел и ломался, как глазурь на торте, когда от него пытаешься отхватить кусок. В общем, картинка была весьма аппетитная. Денег во все это вбухали немало.

Алексей подумал, что его ведут на тренировку, и приободрился. Сейчас Калерия объявит, что он – новый психолог, который будет готовить команду к Олимпиаде. И он окажется в малиннике. С этого момента его будут окружать юные феи, которых он по очереди станет исповедовать. М-м-м... Ему стало еще вкуснее.

Калерия завела его в какую-то комнатнушку, где слышались пыхтение и возня, да к тому же едко пахло потом и краской. Леонидов сразу сник. Никаких гурий он поблизости не наблюдал. Обливаясь потом, он буквально уронил на пол тяжеленную сумку.

– Устали? – ехидно улыбнулась Калерия.

Да, шансов закрутись с ней роман у Алексея был ноль. Он стоял, пытаясь определить, где он и чем отныне будет заниматься.

– Дядя Гриша! – крикнула Калерия Константиновна. – Я тебе помощника привела!

Откуда-то из-за захламленных полок выполз мужичок с ноготок, одетый в испачканную краской спецовку, и с любопытством уставился на них.

– Этот, что ли? – ткнул он пальцем в Алексея.

– Да. Это мой дальний родственник, дядя Гриша. Его же-

на из дома выгнала, да еще и с работы уволили. В общем, неудачник он. – Алексей уловил в голосе Климовой издевательские нотки. – Я его пристрою на время на базу, койку выделю в общежитии. Все на квартплате сэкономит, да плюс казенная еда. А ты научи его профессии. Авось и приживется здесь.

– Спортом когда-нибудь занимался? – строго спросил дядя Гриша.

– Да. Бегал.

– И чего бегал? В ларек за бутылкой? – прищурился мужичок. Леонидов решил терпеть.

– Средние дистанции. В основном восемьсот. Стайер я. Калерия впервые посмотрел на него с интересом.

– Ладно, сойдет, – немного подобрел дядя Гриша. – А выиграл чего?

– В... институте. Чемпионат. – Он не стал уточнять в каком институте.

– А! Образование, значит, есть! Это хорошо. Тогда оставайся, *мальчик*.

Мальчик?! Калерия молчала. Алексею казалось, что она улыбается.

– Завтра прямо и начнем. В шесть утра ты должен быть на льду.

– В шесть утра?!

– Что, рано? – усмехнулся дядя Гриша. – Могу тебя еще больше обрадовать. Раньше полуночи уйти отсюда и не меч-

тай. Поэтому оденься потеплее, – буркнул он. – На льду температура плюс два. Так что куртку теплую надень, штаны спортивные, а под них кальсоны. Не джинсы в обтяжку. Неча перед девками выставляться. Да и куда тебе, – дядя Гриша скептическим взглядом окинул Леонидова. Унижения продолжались.

«Ну... товарищ генерал! Выходит, это и есть твои плюшки?! Да пошли вы все к черту!»

– Леша, идем, – неожиданно мягко сказала Калерия. – А то на обед опоздаешь. Он уже заканчивается. За день как раз осмотришься, а с завтрашнего утра начнешь работать.

Он выдохнул. Леша?!

– Мы же с тобой родственники, – шепнула на ухо Калерия.

– А чем я, собственно, буду заниматься? – спохватился он.

– Лейку за мной носить, – серьезно сказал дядя Гриша. – И если ты с этим справишься, то через годик-другой я позволю тебе разок полить из нее лед.

– Это шутка? – обиделся Алексей.

– Нет. Идем, – Калерия легонько подтолкнула его в спину. – Вещички не забудь.

Когда они вышли на улицу, Алексей с обидой сказал:

– Мы так не договаривались.

– Вы в любой момент можете всем объяснить, кто вы есть на самом деле, – ровным тоном, без всяких эмоций, ответила ему Калерия. – И тогда ваш статус изменится. Все вас будут

бояться, обходиться с вами предельно вежливо и говорить то, что вы рассчитываете услышать. Вы этого хотите?

– По-моему, этого хотите вы.

– Я?

– А то я не понял! Вам это расследование нужно, как козе баян! Вы уже для себя решили, что на тренировке произошел несчастный случай. Какие-то свои проблемы уже разрулили. И новых вам не надо.

– А вы проницательны, – внимательно посмотрела на него Калерия, остановившись на секунду. – Неужели вы и в самом деле лучший сыщик в московской полиции? – на этот раз она сказала правильно: полиция.

– Это не я так говорю, люди.

– А по виду не скажешь.

– Внешность зачастую бывает обманчива, – разозлился он. – Вы думаете, я испугался вставать в шесть утра, а ложиться за полночь? Или обиделся, когда меня мальчиком называли?

– Конечно, обиделись! – звонко рассмеялась Калерия. – Это было видно! Ох, как вы обиделись! Я думала, вы тут же развернетесь и уйдете! У вас сделалось такое лицо! Смешное. Как у пацана, которого не взяли в дворовую команду. Даже ворота защищать не доверили. Знаете, что у вас на лице было написано? Как же это Мое Величество будет при злом дядьке, росточком метр с кепкой в прыжке, мальчиком на побегушках! Да никогда! А он, может быть, еще более ве-

ликий, чем вы, на рост-то не смотрите, – тихо сказала Калерия. – То есть ваше величие еще под вопросом, а вот его...

– А кто он?

– Он? О! Дядя Гриша лучший в стране айс-мейкер. А может, и во всем мире. Только никто этого не знает. У нас нынче в моде приглашать иностранных специалистов, – с неожиданной злостью сказала Калерия. – Нам, видите ли, есть чему у них поучиться. Им у нас тоже не мешало бы поучиться. У дяди Гриши уж точно.

– Что такое айс-мейкер?

– Это человек, который готовит лед для соревнований. Вы биатлон любите?

– Все любят.

– Кто в биатлоне главный? На кого спортсмены валят свои неудачи? Словом, что говорят, когда по дистанции серьезно проиграли?

– Лыжи не катили.

– Вот именно. А у нас говорят: лед был плохой. Не подготовили его должным образом, поэтому результат матча и стал непредсказуемым. Лед для керлинга должен быть особенным. А каким, это вам дядя Гриша расскажет. Я не буду торопить события. Тем более что мы пришли.

– Вы упомянули, что дадите мне койку, – с опаской сказал Алексей. – А кто будут мои соседи?

– Ну, не все так мрачно, – усмехнулась Калерия. – Я же понимаю, что у вас задание и вам надо работать. Анализиро-

вать полученную информацию, получать от начальства инструкции. Я имею в виду ваше настоящее начальство. Делать звонки, пользоваться инетом. И не нужно, чтобы кто-то знал, что именно вы там ищете. Поэтому у вас будет отдельная комната. Хотя и небольшая, но на одного. Я переселила вашего соседа в другой блок. Знаю, что пойдут сплетни, но пришлось это сделать, – она тяжело вздохнула.

– Вот спасибо! – обрадовался Алексей. – А то я, знаете, не привык быть мальчиком. Я имею в виду, совсем уж пацаном. Да, – спохватился он. – Мне надо вас допросить. Давайте мы поужинаем вместе.

– Этого я и боялась, – Калерия остановилась у двери и достала из кармана ключ.

– Не понял?

– А еще великий сыщик! – она вставила ключ в замок и повернула его два раза. Дверь открылась.

Алексей увидел небольшую, но светлую и очень уютную комнату, по стенам стояли две кровати, на столе красовался солидный плоский монитор, но особенно понравились Леонидову занавески на окнах. В цветочек.

– Все условия для работы, – прокомментировала Калерия и первой вошла в комнату. Прошлась, по-хозяйски поправила покрывало на одной из кроватей, одернула занавеску.

– Погодите... – Алексей наморщил лоб. – Возвращаясь к нашему разговору. Чего вы боитесь?

– Как вы думаете: я устраиваю вас на работу, переселяю

вашего соседа, при том что все меня здесь знают как облупленную. Если бы у меня были родственники, они бы тут давно появились. То есть они и появлялись. У меня есть двоюродная сестра, у нее дети. Их всех здесь прекрасно знают. А что подумают о вас?

– Что? – эхом откликнулся он.

– Господи! Что вы – мой любовник!

– Вам это неприятно?

– Вы не в моем вкусе, – прищурилась Калерия.

– Вы мне тоже с первого взгляда не понравились, – соврал он.

– Значит, никаких отношений между нами быть не может!

– Не может!

– Но играть нам в это придется?

– Да, придется!

Они сердито посмотрели друг на друга. «Если сейчас звонит телефон, эта женщина вскоре станет моей», – загадал Алексей.

И тут у него в кармане завибрировал мобильник. Он вспыхнул и торопливо сунул за ним руку.

– Я за дверью подожду, – истолковала это по-своему Калерия.

– Леша, ты тапочки дома забыл! – услышал он в трубке взволнованный мамин голос. – Все положил, а самое главное забыл! Как же ты там без тапочек?

– Не беспокойся, мама, здесь ковровое покрытие, – с до-

садой сказал он. Тапочки он не забыл, а нарочно засунул их под диван, потому что они были позорные: стариковские, в клеточку. Не хватало еще, чтобы Калерия увидела его в этих тапочках!

– Нет, как же без тапочек? – не унималась мать. – Я тебе привезу, только скажи куда!

– Я не могу сейчас говорить, мама. У меня... работа. И вообще. Звони мне, пожалуйста, пореже.

– Но...

– И желательно вечером.

– Да что там у тебя происходит? – заволновалась она.

– Ничего пока не происходит! – слегка разозлился он. – Устраиваюсь на новом месте! А ты мне мешаешь.

– Хорошо, – обиделась мать. – Понадобятся тапочки – звони! – и дала отбой.

«И гроб, – мысленно добавил он и сердито засунул в карман мобильник. – Потому что подъем в шесть утра. Интересно, сколько я протяну?» Потом выглянул в коридор.

– Калерия Константиновна, так где мы встретимся и во сколько?

– Видимо, это мой крест, – вздохнула она. – Придется предъявить вас публике. – Она посмотрела на часы: – У меня после обеда тренировка. Девочки отдохнут, и мы продолжим. Ужин у нас начинается в семь. Подходите к главному корпусу, я вас встречу. Только не заблудитесь!

– Постараюсь.

– Если хотите пообедать...

– Нет, спасибо! Я сыт!

– Ну, как хотите, – сказала она и широко зашагала к лестнице, ведущей вниз на первый этаж.

Алексей с досадой захлопнул дверь в уже свою комнату.

«Надо осмотреться», – решил он, забросив сумку в шкаф. В номере на двоих был полностью оборудован санузел, даже ванна имелась, не только душ. Вся сантехника была новая, с иголки, мебель тоже не знала раньше хозяев, ковровое покрытие на полу выглядело не истертым.

Пока они с Калерией шли по коридору, им навстречу не попалось ни одного человека. Значит, спортсмены обитают в другом корпусе, ведь у них сейчас свободное время, кто-нибудь да высунул бы нос из своих покоев, хотя бы из любопытства. Климова наверняка сказала, что сегодня приезжает ее родственник, которого она собирается устроить на работу. Но ее подопечные либо не проявили интереса, либо их в корпусе нет. Алексей склонен был принять вторую версию. Женщины по природе своей любопытны, тем более, когда живут в таком замкнутом мирке и давно уже знают всех в лицо. Каждый новый человек для них – событие. А Климова сказала в лоб, что все подумают, будто новый помощник дяди Гриши – ее любовник. Чтобы спортсменки не захотели взглянуть на любовника старшего тренера? Да никогда! Просто их здесь нет.

Если у них для obsługi такие комфортные условия проживания, то что же тогда у будущих олимпийцев? Алексей, насвистывая, прошелся по комнате, потом надел кроссовки, взял куртку и вышел в коридор. Сначала он обследовал корпус, в котором его поселили, потом вышел на улицу. Территория спортивной базы оказалась огромной. Как сказала Калерия, при желании здесь могло бы разместиться пятьсот человек. Да, денег на зимние виды спорта в преддверии Олимпиады не жалели. Но будет ли результат?

«Хоть бы схему дали», – тоскливо подумал Алексей, бредя по вымощенной шершавой плиткой дорожке среди огромных елей. Чтобы не опаздывать, ему надо проложить кратчайший маршрут до двух точек: до главного корпуса, где сегодня в семь его будет ждать Климова, и до нового места работы, где завтра в шесть утра забил стрелку дядя Гриша. Верхушку айсберга, то бишь Ледового дворца, где тренировались керлеры, Алексей видел и взял курс на нее.

Он приметил у самого леса двухэтажные бревенчатые коттеджи. Они смотрелись вполне органично: современный спортивный город из стекла и бетона, а на самой его окраине притулилась деревенька, где даже стоящие вдоль дорожек скамейки – и те были деревянные. На бревнах, срезы которых, казалось, еще сочились янтарной смолой, лежали простые доски цвета сосны, когда с нее только-только снимут кору. И в воздухе тоже пахло хвоей, запах был здоровый, сильный и такой же звонкий, как морозный воздух, по-

что неподвижный от сковавшего его лютого холода. В деревеньке, похоже, нет ни грамма пластика, и дизайн далек от стиля хай-тек, в котором выдержан дворец. Алексей увидел, как от одного из коттеджей по заснеженной дорожке летит в сторону Ледового дворца стайка девушек. Они и в самом деле были похожи на птиц, легкие, стремительные, и так же оживленно щебетали, спеша поскорее попасть в тепло. Впереди неслась рыжеволосая красавица, она даже шапку не надела, несмотря на холод. Ее огненные кудри пылали, как факел, особенно яркий на фоне белого снега, щеки алели, так быстро она шла, рука без перчатки сжимала ручку висящей на плече спортивной сумки. Пальцы длинные и сильные, без маникюра и каких бы то ни было украшений. Дальнозоркий Алексей отметил все интересующие его детали и мысленно сделал пометку: в команде скоро будет новая секс-бомба. Если пройдет жесткий отбор.

«Они», – сразу решил он и пошел на перехват. Алексей первым поднялся по ступенькам Ледового дворца и резко обернулся. Рыжеволосая чуть на него не налетела.

– Ой, извините!

– Это вы меня извините, – он широко улыбнулся и посторонился, пропуская девушек вперед. «Майорова, если верить фото в инете, – подумал он. – Похоже, огонь-девчонка!»

Шедшая за ней высокая блеклая шатенка с почти бесцветными глазами окинула Алексея внимательным взглядом. «А это Евгения Свиридова, первый кандидат в скипы после то-

го, как выбыла Лукашова».

– Вы кого-то ищете? – спросила она.

– Дядю Гришу! – выпалил он.

– Дядя Гриша на льду. А вы кто?

– Пока никто. Просто присматриваюсь.

– Рита, не мерзни, быстро заходи в дом! – скомандовала Свиридова. Леонидов мысленно отметил две детали: слово «дом», употребленное по отношению к месту, где проходили ежедневные тренировки девушек, и командный тон.

– А ты мне не приказывай! – огрызнулась Майорова. – Тебя пока официально не сделали капитаном!

– Это вопрос времени!

«Да, команда развалилась. А до Игр всего ничего. Травма Лукашовой, из-за которой та выбыла из сборной, их, похоже, не примирила. Напротив, страсти накалились».

Они прошли мимо Алексея все пятеро. Краем глаза он заметил еще четырех девчонок. Эти шли отдельно, своей компанией. «Похоже, бывшая команда Лукашовой». Ее возглавляла коренастая деваха, больше похожая на парня. У нее было квадратное скуластое лицо, крошечные глазки и ультракороткая стрижка. Алексей невольно улыбнулся: «Дора-давай!»

Деваха чуть не снесла его мощным плечом, он намеренно встал так, чтобы оказаться у нее на пути. Хотел проверить силу ее толчка и невольно подумал: ого! Вот кто вполне мог запустить камень, который свалил Лукашову с ног!

Он знал, что первое впечатление зачастую бывает обманчиво, можно возненавидеть человека с первого взгляда и за просто влюбиться в него на втором свидании, это всего лишь эмоции, и эмоции мотивированные. Он симпатизирует Майоровой, потому что та – красавица. И начинает подозревать Дору лишь по той причине, что она больше похожа на парня и двинула его плечом. Даже не извинилась. А может, у нее на душе кошки скребут? Устала, не выспалась, переживает. Да мало ли?

Во всяком случае, при первой встрече он больше всего запомнил этих троих: Майорову, Свиридову и Давыдову. Тенью проскользнула очкастая теменькая девочка, ссутулившись, прошла невыразительная блондинка с длинным носом, последней шла стройняшка-брюнетка с восточными чертами лица. Что-то в ней было, Алексей невольно задержал на девушке взгляд. Раскосые глаза, влажные, испуганные, как у затравленной лани, аккуратный носик, ротик, похожий на сердечко. Губы темные, но не накрашенные, ощущение такое, что к ним прилила кровь, после того как девочка их искусала. Она, безусловно, проигрывала яркой рыжеволосой Майоровой, но была по-своему хороша. Алексей узнал Гульнару Зарипову. И подумал: «Словно юная одалиска, тихая, покорная, услужливая, мечта любого тренера». Теперь он не удивлялся, почему Климова ее тащит. У Калерии характер властный, они с Лукашовой наверняка так искрились, что настал момент – и вспыхнул пожар. А Зарипова по-

корна воле тренера.

«А ведь Климова тоже была на льду...»

Она, видимо, уже находилась внутри, ждала своих подопечных. Туда Алексей не пошел. Во-первых, не по чину, во-вторых, к чему торопить события? Ему ведь обещан ужин...

...Он пришел ровно в семь. И тут же стеклянные двери раздвинулись, на крыльцо вышла Климова. Словно ждала его в предбаннике.

– Вы вовремя, – похвалила она.

– Если у нас роман, так, может, на «ты» перейдем? – предложил он.

– Хорошо, – сказала она ледяным тоном. – Но только на людях.

– И зови меня Лешей. Помягче, так, как при дяде Грише.

– А ты меня как будешь звать?

– Лерой. Наедине могу по отчеству: Калерией Константиновной.

– Обычно бывает наоборот! – рассмеялась она. – На людях люди делают вид, будто едва знакомы, а оставшись наедине, переходят на ты.

– У нас нестандартная ситуация. Знаешь, я уже пожалел, что отказался от обеда. У вас тут воздух такой вкусный, что аппетит пробуждается зверский. Так что води!

Они оставили пуховики в гардеробе и по широкой мраморной лестнице поднялись на второй этаж. Алексей ожидал, что зал окажется полупустым, но в столовой был ан-

шлаг. Видимо, это спортивный режим.

– Сервисмены обычно приходят позже, – подтвердила его слова Калерия. – А мы предпочитаем отужинать пораньше. Но тебя ведь спортсмены и интересуют, – насмешливо сказала она. – Точнее, спортсменки. Вон наш столик! Специально выбрала место так, чтобы нам всех было видно. Ты ведь будешь расспрашивать, кто есть кто?

– Угадала, – кивнул он.

Это была минута его триумфа. Там, у двери в Ледовый дворец, подопечные Климовой едва удостоили его взглядами, кроме Свиридовой. А сейчас устались, как на музейный экспонат. Девчонки сидели за большим столом на десять человек. Одиннадцатый стул был приставлен сбоку. Алексей подумал, что это место для него, но Климова провела его за отдельный столик.

– Не понял, – наморщил он лоб. – Почему одиннадцать?

– Я тебе все объясню. Только давай сначала положим себе в тарелки еду.

У лотков с горячим он столкнулся с Женей Свиридовой.

– Ну, как? Нашли дядю Гришу? – насмешливо спросила она.

– Я нашел нечто большее, – отшутился Алексей, наваливая себе ароматный гуляш в тарелку, где уже лежала гора картофельного пюре.

– Бесплатную жаренку? Хорошо устроился, ничего не скажешь!

– А мы разве пили на брудершафт?

– Никогда бы не подумала, что Климова на *такое* польстится, – фыркнула Женя и, не обращая больше внимания на Алексея, прошла за свой столик.

Поставив тарелку перед собой, она оживленно начала обсуждать что-то с остальными девчонками. Алексей был уверен, что его.

– Познакомился? – с усмешкой спросила Климова, когда он вернулся.

– Девушка не представилась, но тем не менее нахамила.

– Это Свиридова. Самый опытный и возрастной игрок. Ей тридцать три.

– Она теперь станет капитаном?

– Не знаю. Решение еще не принято.

– Так откуда одиннадцать? – вернулся Леонидов к интересующей его теме.

– Я вызвала на сборы двух игроков из команды, занявшей на чемпионате России третье место, – невозмутимо ответила Калерия. – Ты их не знаешь. Они приехали пару дней назад, на следующий день после того, как произошло несчастье с Лукашовой. Вон ту, крупную, с веснушками на лице, зовут Тоня Колупаева. Она играет на позиции Доры. А вон та, темненькая... Интересная внешность, правда?

– Я еще не понял, – буркнул он.

– Это Василиса Чен, двадцать один год. Перспективная девушка. Очень.

– Василиса... как?

– Чен. У нее отец – китаец. Она родилась на Дальнем Востоке. Потом мать Васи разошлась с ее отцом и уехала к своему брату в Челябинск. С ним мы когда-то вместе поднимали российский керлинг. Это он тренировал девочку. Леонид Мухин. Сейчас он работает с мужской сборной. Да вон он! – Калерия кивнула на угрюмого мужика с пегими волосами, который рассматривал их в упор, стоя у лотка с оливье. Но салат его, похоже, не интересовал, а вот парочка за столиком явно напрягала.

– А чего он на нас так уставился? – насторожился Алексей.

– Увидел новое лицо, вот и заинтересовался, – пожала плечами Климова.

– А зачем ты вызвала на сборы еще двух девчонок?

– Во-первых, они отлично играют в керлинг. В провинции появилось много талантливых команд, которые вполне уже могут играть на международном уровне. И талантливых игроков. А во-вторых... С провинциалами проще работать, – откровенно сказала Климова.

– Что, москвичи зажрались? – усмехнулся Алексей.

– Мотивация меньше. Спорт – это, пожалуй, единственное место, где социальный лифт еще работает. Выиграй Олимпиаду – и о тебе узнают все. Ты станешь звездой, тебе дадут все мыслимые и немыслимые блага, а если ты будешь продолжать выигрывать, то, кто бы ни были твои родители, у тебя есть шанс закрепиться в элите. Лукашова – москвичка.

Мало того, у нее родители очень обеспеченные. Она закончила престижный вуз, не получится со спортом – папа построит ее куда-нибудь в банк на теплое местечко. Квартира у нее уже есть, шикарная машина, дизайнерская одежда. У нее ВСЕ есть. И олимпийская медаль для нее не мотивация. Во всяком случае, не такая сильная, как для них, – она кивнула в сторону Колупаевой и Чен. – С Алиной сборная была обречена на поражение. И что? Она бы по-прежнему мелькала на обложках глянца! Ей бы дали еще один шанс, и еще! Керлинг – игра возрастная. Сколько она бы еще у нас выпила крови, а?

– Лера, она сейчас в коме, – напомнил он тихо.

– Оправится, никуда не денется! Девчонка здоровая, сильная. Никто не хотел ее убивать, пойми, – сгоряча проговорила Калерия.

– Хотели просто устранить до Олимпиады? – тут же вцепился он – Ты ведь знаешь, кто бросил этот камень?

– Ничего я не знаю! – вспыхнула Климова.

Он мягко накрыл своей ладонью ее ледяную руку. За соседним столиком замерли. Алексей приблизил свое лицо к самому ее уху, вдохнул запах волос. И прошептал:

– Все может закончиться прямо сейчас. Ты мне все расскажешь, и...

– Нет! – Калерия отпрянула. Алексей почти услышал, как девчонки выдохнули. Климова и сама поняла, что сыграла не то. Она тут же сменила тон: – Я хотела сказать, что тебе

надо отдохнуть перед завтрашним днем. И мне тоже, Леша. Я очень рада, что ты здесь. Что мы вместе, – она намеренно сказала это громко.

«Уводит от темы», – с досадой подумал он. Но вслух сказал:

– Я тоже. Я очень по тебе соскучился.

За соседним столиком переглянулись.

– Погуляем хотя бы в парке? – громко спросил он.

– На улице холодно.

– А я тебя согрею!

– Не перегибай, – шепнула Калерия.

– Все равно ведь будут говорить, – ответил он с досадой.

– Играть в любовь и крутить любовь, – это не одно и то же.

Мы под прицелом не одной пары глаз. В керлинг не дураки играют. Хотя ты, кажется, считаешь иначе. Будешь говорить пошлости – тебя мигом раскусят. Впрочем, ты в любой момент можешь сказать, кто ты такой на самом деле, и тогда...

– ...все будут относиться ко мне с должным уважением, говорить то, что я хочу услышать. Нет уж, лучше пусть хамят!

– Как знаешь, – пожала она плечами.

– Но, согласишься, будет странно, если после долгой разлуки мы проведем вечер не вместе.

– Я живу с ними.

– Что?

– Я живу в одном из коттеджей. И в комнате я не одна.

Мы не можем видеться у меня.

– Но можем у меня встречаться.

– И что мы будем делать?

– Ну, не знаю... Телевизор посмотрим, книжку читаем.

– Хорошо, я приду.

– Что?

Он подумал, что ослышался.

– Я просто уверена, что в ближайшие два дня ты одумаешься. Завтра тебе вставать в шесть. Ты долго так не выдержишь.

– Ничего, я сильный, – он расправил плечи.

– Тогда до вечера? То есть до ночи, милый, – сказала она насмешливо.

В ожидании Климовой он немного волновался. Нет, на ночь любви Алексей не рассчитывал, Калерия из тех женщин, которых надо добиваться, а вовсе не из тех, что сами вешаются на шею. Властная, вполне самодостаточная, а главное, потрясающе красивая. Наверняка у нее и здесь есть поклонники. Осада, если таковая вообще возможна, будет длиться долго. Пока Калерия ничем не дала понять, что он ей нравится. Скорее, напротив.

«Вы не в моем вкусе».

А кто в ее? Кто был ее мужем? И почему об этом нет информации в инете? Коротко: развелась пять лет назад.

Он невольно вздрогнул, когда в дверь постучали.

– Да! Войдите!

Она была в джинсах и тонком свитере с рукавами три четверти. Это ей безумно шло: видны были красивые сильные руки, причем запястья их оказались тонкими, левое опоясывал широкий ремешок наручных часов. Часы были мужские, что лишь подчеркивало женственность их обладательницы. Да, несмотря на профессию, на волевой властный характер, Калерия была настоящей женщиной. Она мгновенно чувствовала, когда мужчина на нее западал, и спешила это использовать. Вот и сейчас принарядилась. Хотя кто бы ее в этом упрекнул? Рукава укоротила, чтобы тонкие запястья показать? Мужские часы нацепила, зная, как ей это идет? Не в вечернее же платье оделась. Нет, все сделано тонко, комар носа не подточит. Но Алексей был уверен: она хотела ему понравиться.

– Чай будете? – предложил он. – Или кофе?

– Надо же чем-то заняться, – насмешливо сказала она. – Так что ставьте чайник.

– Мы и в самом деле будем на «ты» лишь на людях?

– Пока не знаю. Я не решила.

Она явно кокетничала. Он невольно почесал рукой затылок: черт, как это делается-то? Не чайник, с чайником он справится. А вот за женщинами ухаживать разучился. А когда-то, еще до Саши, у него это лихо получалось. Но не набрасываться же на нее с поцелуями? На такую набросишься!

– Зеленый, без сахара, – сказала она, глядя, как Алексей

возится с чайником.

В номере было все необходимое для чаепития.

– Скажи, у вас тут что, сухой закон? – вскользя поинтересовался он.

– Хочешь меня спойть?

– И в мыслях не было! – притворно ужаснулся он.

– Врешь, – спокойно сказала она. – Ладно, оставим скользкую тему. Сначала ты должен полюбить керлинг.

– Другого пути нет?

– Нет, – все так же спокойно ответила Климова.

– Как интересно! Впервые вижу женщину, путь к сердцу которой проложен по льду.

– А ты, оказывается, остроумный! – удивилась она.

– О! Еще какой! Мне просто надо немного освоиться.

Он заварил чай, себе черный, ей зеленый. По крайней мере, на «ты» перешли. Теперь уже навсегда. Она и наедине перестала выкать, хороший знак.

– Девчонки видели, как ты уходила? – спросил он, присаживаясь в кресло у журнального столика. Калерия сидела напротив.

– Конечно.

– Комментарии были?

– Хочешь знать, что они о тебе думают? – она рассмеялась.

– Что я неудачник, который пытается жить за счет женщины. Удивляются, чем я тебя взял?

– Угадал. В тебе нет ни единого качества из тех, какие я

ценю в мужчине. И у нас нет ничего общего.

– Неправда. Я тоже бегал на средние дистанции.

– Да, но я, в отличие от тебя, выигрывала.

– Почему ты думаешь, что я проигрывал?

– От тебя жена ушла.

– А от тебя муж. Постой... Откуда ты узнала?!

– Мужа бросила я.

– От жены тоже я сам ушел. Но ты не ответила.

– Когда я представляла тебя дяде Грише, ты спокойно отреагировал на мою характеристику: неудачник. А я внимательно следила за твоим лицом. Ты, Леша, холостяк. Но определенно был женат. И у тебя есть дети, – уверенно сказала она.

– Угадала. Мальчик и девочка. Я – счастливый отец.

– Ну а я пока еще не стала матерью. И не надо меня этим доставать.

– Я и не собираюсь.

«Ох, как же мне будет тяжело! – подумал он. – Особенно тяжело, если окажется, что именно она убийца. А такого варианта исключать нельзя...»

Они какое-то время молчали.

– Итак, ты не любишь керлинг, – сказала наконец Климова. – И даже не скрываешь этого.

– Ну а ты почему перешла туда из легкой атлетики? Перспектив пробиться не было? В беге на средние дистанции у нас солидная скамейка запасных, и конкуренция всегда была

ого-го какая. Я знаю, потому что сам бегун.

– Угадал, – сказала она насмешливо.

– Восемьсотметровка – бег интеллектуальный. Больше позиционный, чем скоростной. Надо толкаться, не пропускать соперника к бровке, а главное, ее не прозевать. Ставить корпус, уметь бежать в толчее, испытывать мощный прессинг и справляться с ним. Можно ведь и упасть, и все будет по правилам. Поэтому надо держаться самому и пытаться свалить соперника посильнее. А потом выскочить из-за спин и вырвать у всех финиш.

– Можно лидировать с самого начала, – возразила Калерия.

– Но такая тактика чаще всего провальная. Первыми бегут неудачники.

– Первыми бегут неудачники, – эхом откликнулась она. – Но там, где начинается что-то новое, всегда есть возможность пробиться. Я многого добилась, когда ушла в керлинг. Кстати, это древнейший вид спорта. Чуть ли не один из самых старейших, в Европе уж точно. В шотландском районе Стирлинг неподалеку от озера был найден камень, на котором выбита дата: 1511 год. А сама игра получила свое имя от шотландского глагола *curr*, который означает низкое рычание, или рев. Гранитный камень, скользящий по льду, касался зазубринок, отчего происходил характерный звук. Поэтому керлинг можно назвать игрой в ревушие камни. Разве не красиво?

– Красиво, – согласился он.

Она взяла чашку и сделала пару глотков. Он ждал продолжения.

– Игра долгое время была непредсказуема из-за несовершенной формы снарядов и неподготовленности льда. Как говорится, на удачу, – поведала Калерия, прихлебывая чай. – В летописях шотландского города Дарвел написано, как ткачи после работы отдыхали, играя в керлинг каменными грузами, использующимися в гнетах при ткацких станках. А многие жены поддерживали авторитет мужа, полируя съемную ручку камня и доводя ее форму до совершенства.

– А я думал, ты феминистка.

– Ну, скажем, я женщина независимая. От мужчин.

– И ручку полировать не будешь.

– Лучше я буду полировать камнями для керлинга лед. Хотя женский керлинг заметно отличается от мужского.

– Интересно чем?

– Мужской – он больше силовой. А женский – тактический. Кстати, это самое распространенное заблуждение, в особенности благодаря журналистам, которые пишут, что главное в керлинге – бросать как можно сильнее и выбивать из дома камни противника.

– А на деле?

– На деле все очень сложно, Леша. – Она встала и прошлась по комнате. Остановилась у окна, спиной оперлась о подоконник. – Существует множество бросков, некоторые

под силу выполнить немногим, даже если это профессиональные спортсмены. Простейший – дро, или установка камня на нужную позицию, без соприкосновения с другими камнями. Второй по распространению бросок – тейк-аут, на выбивание. Ударить в камень противника или в свой и выбить его, или же, что сложнее, оставить в игре, заработав очки. Именно с этим ударом якобы не справилась Лукашова в финале последнего чемпионата России, во что лично я не верю. И никто из профи не верит. Задача была простейшая: выбить камень противника из дома так, чтобы вылетел и свой. А она толкнула снаряд недостаточно сильно. И сделала это намеренно, чтобы мы проиграли.

– Но что ей это дало?

– А разве не понятно? – усмехнулась Климова. – Она не выбила свой камень из дома этим ударом, но зато выбила из главных тренеров меня. Красивый удар, не так ли? Как керлер, я его оценила по достоинству, но как тренер... – Она резко замолчала.

Он тоже молчал, боясь ее спугнуть.

– Особенно красиво смотрятся двойные или тройные тейк-ауты, – вновь заговорила Калерия. – Но это уже великое искусство. Представь: три снаряда разлетаются в разные стороны, при этом все камни одного цвета остаются неподвижными. Необходимо точно рассчитать траекторию разлетающихся камней, чем она выше, чем дальше друг от друга находятся камни, а для этого надо запустить снаряд с си-

лой, но чтобы он при этом закрутился очень слабо. Это ювелирный бросок и необычайно красивый. Вообще в керлинге много красивого. К примеру, подъем. Своим камнем надо подтолкнуть свой же, чтобы поставить его на нужную точку. Или втолкнуть свой камень в дом, а камни соперника оттуда вытолкнуть. При этом борются два скипа, каждый со своей тактикой. Кто-то предпочитает ставить перед домом защитника – гарда, или даже защитников. Кто-то идет напролом. Иные это совмещают. Самые искусные.

– Как играла Лукашова? – спросил он.

– Разнообразно. Она неглупа. Но характер... – Калерия аж передернулась. – Почему-то она решила, что мой опыт ей не нужен, что сама со всем справится.

– И кто теперь ее заменит?

– Кто у нас будет скипидарить на олимпийской поляне? – усмехнулась Климова. – Еще не решили.

– Прости, что?

– Скипидарить – быть скипом. Капитаном. От которого на поляне, иначе, на поле для игры в керлинг, зависит все. Место вакантно.

– Разве не Свиридова?

– Свиридова Олимпиаду сольет, – твердо сказала Калерия.

– Почему ты так думаешь? Потому что она старая?

– У нее нет контакта с игроками даже ее команды. С ней что-то происходит в последнее время. А что – я сама пока

не пойму.

– Может, это она устранила Лукашову? А теперь мучается угрызениями совести.

– Для нее это был единственный шанс попасть на Олимпиаду.

– Лера, кто сделал тот бросок?

– Я не видела. Слушай, по-моему, я свой номер отбыла, – резко сказала Калерия. И демонстративно посмотрела на часы. – Провела с тобой достаточно времени, дабы закрепить в сознании масс мысль, что я твоя любовница, и прочитала тебе краткий курс истории керлинга.

– Очень уж краткий, – пожаловался он.

– Вся эта информация есть в инете. И даже больше. Не ленись – почитай. А я пойду спать.

Он уже понял: уговаривать бесполезно. Как только речь заходит о покушении на Алину, Климова замыкается в себе. Она, безусловно, знает, кто сделал тот смертельный бросок. Но покрывает преступника. Либо сама является преступницей. А не скрывает свою вражду с Лукашовой лишь потому, что все об этом знают и обязательно расскажут.

«Могла или не могла?» – гадал он, глядя, как Климова идет к двери. На столе осталась недопитая чашка зеленого чая.

– До завтра, – бросила она перед тем, как закрыть дверь. Он даже сказать ничего не успел.

«Зачем она приходила?» Он понял, что имеет дело с че-

ловеком, который привык рассчитывать все свои ходы, хорошим психологом, обладателем устойчивой нервной системы. Она ведь бегала восьмьсотметровку, а там невротики не приживаются. Он и сам такой, устойчивый к стрессам. В этом принципиальное отличие Климовой от Саши, на которую она внешне так похожа. Саша – типичная истеричка. Чувств своих скрывать не умеет, интриговать тоже. Честная, прямая, открытая и чрезвычайно эмоциональная. А Климова – скала. Черт знает, что у нее на уме.

Он помыл чашки и лег, бессмысленно глядя в темное окно. Ему не впервой такое противостояние. Какими бы крепкими ни были нервы у убийцы, рано или поздно он ошибается. Проблема заключалась в том, что Климова Алексею нравилась. Она ему нравилась настолько, что он до сих пор чувствовал ее запах, потому что намеренно принимался. Он слышал ее голос, низкий, грудной, ее чарующий смех, необычайно звонкий для женщины с таким голосом. Он видел ее силуэт на фоне темного окна. Ее, а не луну, хотя луна в эту ночь была полной и необычайно яркой. Но небесное светило не могло затмить земную женщину. Теперь Алексей был в этом уверен: Климова вполне земная. И интересы у нее приземленные. Она хочет остаться главным тренером сборной. Кто знает, может, и ей снятся эротические сны?

Ведь если его безоговорочно признали ее любовником, это означает, что мужчины у Климовой сейчас нет. Осталось выяснить, насколько давно его уже нет...

Энд третий

Он далеко не сразу понял, что звонит будильник. А когда понял, подумал: «Черт! Почему так рано?!» Рука невольно потянулась: выключить и забыть об этом.

«А как же Лера?»

Именно о ней была первая мысль, а не об издевательствах дяди Гриши, которым он, Алексей, непременно подвергнется, если явится на лед часикам этак к десяти. У Леонидова есть вариант: признаться в том, что он работает в полиции и ведет расследование покушения на Алину Лукашову. И все мигом изменится. Но тогда он вряд ли узнает, кто это сделал. У них тут, похоже, круговая порука.

Алексей понял это по тому, как вела себя Климова, и по тем материалам, которые были в папке, что дал ему генерал перед тем, как заслать на спортбазу. *Они не могли не видеть, кто бросил камень в Алину.* Не слепые же. Единоличным было решение или коллегиальным, но суть его проста: не называть имя. Поэтому они заняли круговую оборону и всем официальным инстанциям отвечали, что ничего не видели и не знают. А этого просто не может быть. Алексей прекрасно знал главное спортивное правило: своих не бросаем. Поэтому он уперся в стену. Спортивное братство нерушимо. Он ничего не выяснит, если раскроет свое инкогнито. И только находясь денно и нощно в Ледовом дворце, став незамет-

ным винтиком в механизме изнуряющих тренировок, когда на него перестанут обращать внимание, Алексей рано или поздно услышит это имя. Кто-нибудь да проговорится.

Поэтому он отбросил одеяло и вскочил. Без двадцати шесть. Он дал себе двадцать минут, чтобы наскоро умыться, одеться и добежать до Ледового дворца, куда еще вчера мысленно проложил кратчайший маршрут из корпуса, в котором жил сам.

На лед он вышел в пять минут седьмого.

– Куда прешься в грязных кроссовках! – заорал дядя Гриша вместо приветствия.

– Так ведь мы еще не начинали, – удивился он.

– Это ты не начинал, – проворчал мужичок с ноготок. – А я и не заканчивал. Я сразу понял, что ты ни с чем пирог. Чего только Калерия в тебе нашла? Старый, пузатый, да еще и лентяй.

– В смысле?

– Ты кому угодно лапшу на уши вешай, только не мне, – буркнул айс-мейкер. – Трахаль ты ейный, а никакой не родственник!

– Поаккуратнее в выражениях, дядя, – разозлился Леонидов.

– А вы не обжимайтесь по углам!

– Да мы ничего такого не делали!

– А то я не вижу, как вы друг на друга смотрите! Как коты на сметану!

«Значит, такой у меня вид, когда я смотрю на Леру?! – ужаснулся он. – Ладно, но она? Нет, дядька явно ошибся».

– Чего стоишь? Переобувайся! – рявкнул дядя Гриша.

– Во что?

– В тапочки, блин! Я тебе все подготовил. Разуй глаза: у выхода на лед твоя новая обувь стоит! Привыкай! И антислайдер надень, а то разобьешь башку – мне отвечать.

– Кого?!

– Господи, за что мне это? – простонал дядя Гриша. – Где ж я так нагрешил? Антислайдер – это калоша, лишаящая слайдер его главного свойства, скользкости. Смотри словарь начинающего керлера. Разберешься, какой ботинок где? Или справочник считаешь? инетом пользоваться умеешь?

– А то!

– Выходит, не совсем идиот. А я уж было подумал, что тебя мамка в детстве на пол уронила. И не сразу подняла.

Алексей еле сдержался. Может, дядя Гриша ревнует его к Лере? Да ну, ерунда. Просто характер такой: не подарок.

– Что мне делать? – спросил Алексей, выйдя на лед, надев на один из утепленных ботинок для керлинга антислайдер. Ботинки оказались поношенные и к тому же немного ему велики. Было не совсем удобно, но Алексей решил терпеть. – Я правильно надел? На левый?

– Угадал! Я тебе сказал вчера, кальсоны поддень? – продолжал издевательства мужичок с ноготок.

– Я не замерзну.

– А ну как хозяйство свое отморозишь? Как Лерка-то на это посмотрит, а? Похоже, главная твоя ценность находится в штанах. И единственная.

– Я сюда работать пришел! – не выдержал Алексей. – А не выслушивать ваши оскорбления! Хотите, выражаясь вашим языком, сделать из меня человека – так делайте! Начинайте уже!

– Ишь, обиделся, – удовлетворенно кивнул дядя Гриша. – А может, это подготовительный этап? Спесь с тебя сбить маленько. А то ты, по ходу, загордился, что Леркин трахаль. Мол, утер я всем вам нос.

– Кому это вам? – мгновенно сработал профессиональный рефлекс. Пошла информация.

– К ней кто только не подкатывался, – хмыкнул айс-мейкер. – Красивая баба и хваткая. А она, как Снежная королева, светит, но не греет. Окромя тебя, никому не дает.

– Вы тоже к ней подкатывались? – в упор спросил он.

– Куды мне? – Дядя Гриша продолжал играть в простачка. – Ростом не вышел. А вот Ленька Мухин тебе харю-то начистит. Так что готовься.

«Мухин, Мухин... Родной дядя Василисы Чен, по словам Леры, очень перспективной девочки. Он же ее тренер. Мухин с Лерой поднимали отечественный керлинг. Вот и Отелло нарисовался на горизонте. Становится весело!»

– Чего лыбишься? – мгновенно отреагировал дядя Гриша. – На-ко, бери ведро с краской и шагай за мной.

– А что красить?

– Ты, чай, не слепой, – насмешливо сказал айс-мейкер. – Круги на льду видишь? Красненькие и синенькие?

– Ну?

– Не ну, а так точно, товарищ начальник!

– Есть видеть круги на льду, генерал!

– Чего-о? – открыл рот дядя Гриша.

– Что, не угадал? Генералиссимус? Или маршал Советского Союза? Вы какой титул предпочитаете?

– А у тебя, парень, чувство юмора есть, – удивленно протянул айс-мейкер.

– Ага. Я его на полу нашел, пока там валялся. Выходит, хорошо, что мамка меня уронила? А?

– Сработаемся, – хлопнул его по плечу дядя Гриша.

«Ох, Леха, Леха, будет тебе плохо», – мысленно вздохнул он. Так и хотелось спросить: а завтрак-то положен? Время к семи. Хотя бы кофейку глотнуть.

– Вот ты говоришь: зачем так рано приходить? – поучал его дядя Гриша. – А затем, что в нашей с тобой профессии, Алексей, важен системный подход...

«Это точно. Я должен систематизировать полученную информацию, которая, кажется, начала ко мне поступать. Поэтому слушай в оба уха, Леонидов!»

– ...В отличие от хоккея, скажем, или того же фигурного катания, наш лед заливается вручную, – с гордостью сказал дядя Гриша. – Потому как от этого и только от этого зависит

результат матча.

– А я думал, от спортсменов, – слегка подколот его Алексей.

– Зря насмехаешься. В Канаде, где керлинг чуть ли не главный вид спорта, или, скажем, в скандинавских странах, ледовар – второй человек после судьи. Причем главного судьи, заметь! – дядя Гриша поднял вверх указательный палец. – Чтобы сделать качественный лед, нужно не меньше недели. И нельзя оставлять его без присмотра даже на пару дней. Поэтому выходных у меня нет.

– Как нет? – ужаснул Леонидов.

– Отпуск есть. Не в сезон, разумеется. Вот ты, раз с оборудованием, будешь записывать показания приборов, измеряющих температуру и влажность воздуха. Лед ни в коем случае нельзя переморозить, иначе он будет трескаться и крошиться. Так что ты, Леха, записывай циферки, а я буду марковать, что с этим делать.

– Сейчас записывать?

– Сейчас мы займемся главным своим делом: нарезкой льда. Эта машинка, – дядя Гриша любовно погладил отполированную до блеска ручку аппарата, который Алексей мысленно назвал «зениткой», только вместо дула у нее был нож, нацеленный на лед, – называется айс-мастер, или айс-кинг. Специальным лезвием надо выровнять лед до идеально ровной поверхности. Через три часа сюда придут спортсмены на тренировку. К этому времени надо убрать с поверхности

мусор, вплоть до нитки. Я вижу, у тебя дальностьзоркость?

– Она самая, – кивнул Алексей.

– Это хорошо. Я буду нарезать лед, а ты смотри внимательно. Песчинку какую углядишь – сигнализируй.

– Даже волос? – съехидничал он.

– Волос особенно, – серьезно сказал дядя Гриша. – Ну, поехали! – он взялся за ручку.

– А завтрак у нас будет?

– Через три часа будет перерыв, кофейку попьем. Потом пойдем готовить инвентарь.

– Какой инвентарь?

– Увидишь. Ты все увидишь, Леша. Эх!

Мужичок с ноготок вышел на лед, как на молитву, исто-во. Лицо его было серьезным и сосредоточенным. Алексей был уверен, что дядя Гриша занимается этим не один год, причем изо дня в день. Рутинная, нудная работа, до омерзения монотонная: счистить с дорожек снег, потом выровнять ледяную поверхность до идеала. Чтобы сверкала, как зеркало. Заодно поправить стершуюся краску, потому что от этого зачастую зависит, дать или не дать команде очко. Линия должна быть четкой, чтобы можно было с точностью до миллиметра отследить, зацепился за нее камень или же нет. В доме он либо вылетел из дома. Поэтому мелочей в работе айс-мейкера нет, это Алексей уже понял. Работа ювелирная. Только ювелир гранит камень, а айс-мейкер – лед. Делает из него полноценный бриллиант, сверкающий всеми своими

гранями. И ценность этого бриллианта тоже измеряется в каратах. Именно на идеальном льду сильнейшие выигрывают медали высшей пробы. На льду, где исключены случайности.

Он невольно увлекся. Ходил, высматривая песчинки и волосы, метелочкой удалял с дорожки почти невидимый снег. Следил, как дядя Гриша, то и дело меняя уровень, опуская нож буквально по миллиметрию, снимает не слой за слоем, нет. Пленку, тончайшую пленку с почти идеального на вид сверкающего льда. Глаза айс-мейера светились вдохновением.

– А теперь самое главное, – сказал он через два часа. – Погоди чуток.

И он исчез на полчаса. За это время Алексей успел замерзнуть. Предмет, который дядя Гриша вынес на лед, был... обыкновенной лейкой!

«Выходит, не шутка?» – подумал Алексей, а вслух спросил:

– А это еще зачем?

– Лед для керлинга должен быть тонкий, около трех сантиметров, и идеально гладкий, но это не самое главное, – пояснил дядя Гриша. – По обычному ровному льду камень кататься не будет. Вот этой леечкой на него наносятся пэбблы, иначе капли.

– Зачем?

– Видал небось, как керлеры лед щетками трут изо всех сил?

– Ну.

– И подумал: а зачем?

– Не только я. Все думают: в чем смысл сего действия?

– Объясняю. При трении щетками на льду образуется водяная пленка. Именно она и позволяет камню скользить по определенной траектории. Можно его протащить подальше и даже завернуть. Ежели, к примеру, перед домом гард стоит, то есть защитный камень, как его обогнуть?

– Как?

– Щетками мести, вот как! Иначе, свиповать. Чтобы растопить верхний слой льда, сгладить эти самые бугорки, чуть-чуть изменить траекторию скольжения камня. А в керлинге от этого «чуть-чуть» и зависит исход игры. А копался я так долго, потому что насадку выбирал. Я их сам делаю, – айс-мейкер любовно погладил свой рабочий инструмент. – Вручную дырочки пробиваю. От их диаметра зависит величина ледяного бугорка, а это очень важно. Теперь все по науке делается. Снимаются показания с приборов, влажность воздуха, температура в помещении, атмосферное давление, анализируется освещенность, работа системы вентиляции, по совокупности данных я и выбираю насадку для своей леечки. А раньше где нюхнешь, а где и лизнешь, да обычный наоконный термометр вместо всех этих штучек. И такие времена были, – дядя Гриша тяжело вздохнул. – Понял теперь, для чего мне нужен помощник, да еще с образованием? – подмигнул он Алексею. – Пока я лед нарезаю, ты мне подгото-

вишь информацию, и, ежели не будешь тупить, то научишься ее анализировать и выбирать насадку. Тогда процесс подготовки льда ускорится. Но для этого нужны мозги. В керлинге вообще без мозгов никак, – подвел он итог.

– Пойдите... Вы ведь и сами играете! – догадался Алексей.

– А как же! Но свою трудовую биографию я тебе расскажу потом. А сейчас – работать.

Дядя Гриша вышел на лед и принялся методично разбрызгивать по дорожке воду из лейки.

«Столько суеты, и все из-за чего? – подумал Алексей. – Всего одна олимпийская медаль. И то, насколько я знаю, шансов мало. В керлинге всех дерут канадцы. Так Лера сказала. Он же фанатик! Сумасшедший! У него, похоже, ни жены, ни детей. Его любимая – это лейка, насадки для которой он делает вручную. И то он мне и половины всего не рассказал. Боже, куда я попал?!»

Первой на тренировку пришла Климова. На часах было без десяти десять.

– Все готово, дядя Гриша? – спросила она, кивнув издали обоим. Тот что-то буркнул.

«Могла бы и потеплее меня поприветствовать, – подумал Алексей. – Ведь все уверены, что мы любовники, а о том, что вчерашний вечер провели вместе, наверняка уже вся спортбаза знает. И время, должно быть, засекали, сколько мы с

Климовой пробыли наедине. По секундомеру получается, на половой акт хватит. И где тогда: здравствуй, Леша?»

– Ну, как ты? Освоился? – Он уловил запах геля для душа. Точь-в-точь такой же флакон стоял и в его ванной комнате. И спросил:

– А ты как?

– Как обычно, – пожалала она плечами. – Позавтракала, потом была тренировка. Разминка и силовые упражнения.

– А мне даже позавтракать не дали, – пожаловался он.

– По-моему, тебе это только на пользу.

– Намекаешь на мой лишний вес?

– Я уверена, ты и сам знаешь свои проблемы, – ехидно сказала Калерия.

– Хватит ворковать, голубки, – рывкнул на них дядя Гриша. – Вон, девчонки пришли!

На трибуне появились спортсменки и, перебрасываясь ехидными замечаниями, стали спускаться вниз, к выходу на лед.

– Ирка, не споткнись! Что, ноги не держат?

– Тебя побольше погоняли, ты и держись за поручень!

– Я-то устою. А вот Танечка наша еле плетется!

– Отстаньте от меня!

Самой яркой из девчонок была Майорова, ее огненную красоту трудно было кому-то затмить. Алексей невольно залюбовался: ах, хороша!

– Рита вряд ли попадет в олимпийскую сборную, – сухо

сказала Калерия, определив направление его взгляда.

– Это еще почему?

– Она – второй. А вторых у нас много. Позиция не ключевая. Иванова меня вполне устраивает. Да и Колупаева с Чен великолепно справятся. Любую выбирай – не ошибешься.

– А может, ты ее просто ревнуешь? Майорову? – тихо спросил он.

– Господи, к кому?!

– Просто к ее красоте ревнуешь.

– Не говори ерунды, – резко сказала Климова. – Я спокойно отношусь к своей внешности. Есть женщины гораздо красивее меня, та же Майорова. Но я прекрасно знаю, как это отвлекает спортсменов. Мне Лукашовой хватило. Опять начнутся фотосессии, бесконечные интервью для глянца, любовные романы. Хороший спортсмен всего себя отдает спорту.

– Ты потому и не замужем?

– Забываетесь, Алексей Алексеевич! Девочки, на лед! – она хлопнула в ладоши. – Начинаем катать камни! Спортивные снаряды – на поляну!

«Вот так оно и тогда начиналось, – подумал он. – На той роковой тренировке. Только Лукашова вышла на лед без камня. Не царское это дело».

Он внимательно смотрел, как девчонки разбирают спортивные снаряды. С трибуны донеслась аглицкая речь, как из пулемета: тра-та-та-та-та... Это канадец проснулся.

– Мы все правильно делаем? – раздался голос Свиридовой.

– Карашо. – И снова: тра-та-та-та-та...

– Леха, ты где там? – Он вздрогнул: дядя Гриша. – Пойдем, я тебе кофейку налью. Небось проголодался?

– Лера сказала, что мне не мешало бы похудеть, – он хлопал себя по животу.

– Похудеешь, куда ты денешься? Нам еще после обеих тренировок лед в порядок приводить, а это долго. Сейчас мужики придут. А после этих лосей лед все равно что после хоккея. Пуляют так, будто в городки играют, – с досадой сказал дядя Гриша. – Так что подкрепиться надо.

– Мы без обеда работаем? – спросил Алексей.

– Почему без обеда? Часикам к двум погребем в столовую.

– А говорят, завтрак съешь сам, а обед подели с товарищем.

– Говорят, а ты не слушай. Делай так, как тебе нравится. Ну, идем.

Они пошли в ту самую комнатку, где едко пахло краской. Видимо, здесь дядя Гриша держал свой самодельный инструмент. Алексей еще вчера углядел на полках всякие брызгалки, лопатки, совочки, сверла...

Но в подсобке оказалась еще одна дверь, которую он вчера прозевал. За ней была крохотная, но очень уютная комнатка с низким удобным диванчиком. Электрической плитки не имелось, зато стоял холодильник, точнее, полхолодиль-

ника, настолько он был маленький. Здесь вообще все оказалось под стать хозяину: миниатюрное. Алексей, который сам был далеко не великаном, невольно пригнулся и даже вырос в собственных глазах. Дядя Гриша достал из холодильника бутерброды с ветчиной и сыром, а из большой спортивной сумки – термос с кофе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.